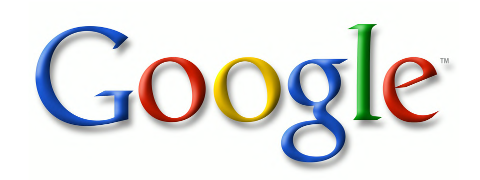
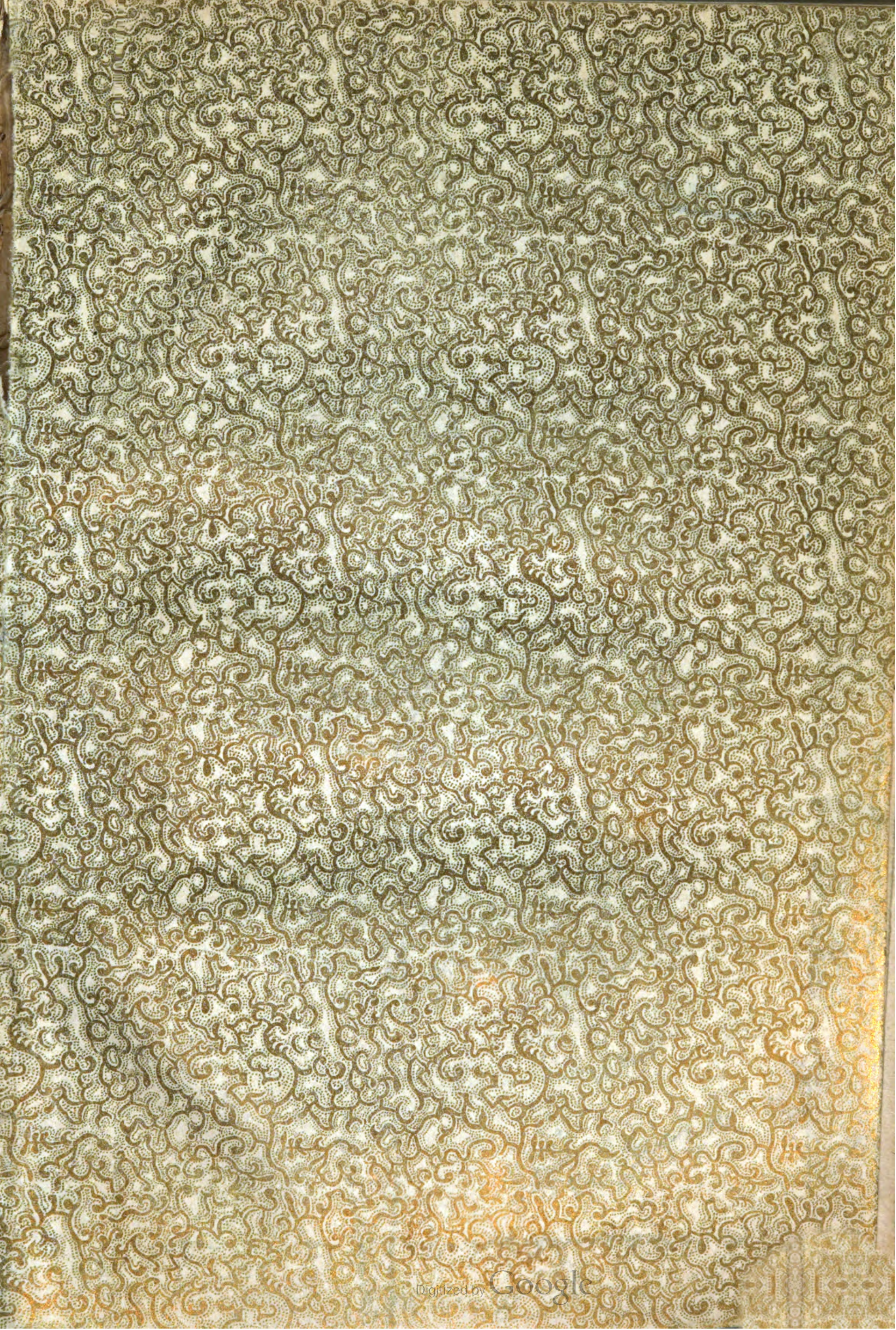
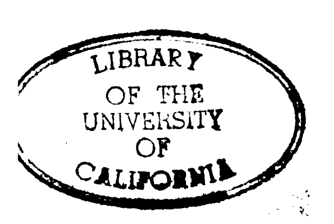

UC-NRLF
$B 320 352

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF
CALIFORNIA

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. ПОЛЕЖАЕВА.

Александръ Полежаевъ

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. ПОЛЕЖАЕВА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА И СТАТЬЕЮ О ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ,

писанною

В. БѢЛИНСКИМЪ.

Изданіе второе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Цѣна 50 к. сер.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Э. БАРФКНЕХТА И КОМП.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, декабря 18 дня 1858 года.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

РАЗБОРЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

А. ПОЛЕЖАЕВА.

И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою...
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою...
Не расцвѣлъ, и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что̀ любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей.
Духъ унылъ, въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Миръ души погребла
Въ шумной волѣ любовь...
Не воскреснетъ она!..

А. Полежаевъ.

Слава дается людямъ геніемъ и не зависитъ ни отъ какихъ случайныхъ отношеній. Противъ нея безсильны предубѣжденія, зависть и злоба. Они даже служатъ ей, стараясь уничтожить ее, — и если имъ удается иногда помрачить ея лучезарный блескъ, то не болѣе какъ на минуту, и для того только, чтобъ она явилась еще лучезарнѣе: такъ солнце является въ бо̀льшемъ блескѣ, когда пройдутъ мимо застилавшія его облака, а они не могутъ же не проходить мимо его! Время всегда на сторонѣ «славы», и опираясь на него, она торжествуетъ даже надъ самымъ временемъ. Но слава дается однимъ геніямъ, — и какъ между геніемъ и обыкновеннымъ человѣкомъ есть множество посредствующихъ ступеней и звеньевъ, называемыхъ «талантами» и «дарованіями», такъ и между «славою» и «не извѣстностію», есть посредствующія величины славы, называемыя большею или меньшею «извѣстностью». Вотъ-эти-то

таланты и дарованія, эти-то извѣстности болѣе или менѣе и испытываютъ на себѣ вліяніе случайныхъ отношеній и временныхъ обстоятельствъ, ничтожныхъ и безсильныхъ для генія и славы. Нельзя провести рѣзкой черты, отдѣляющей геній отъ таланта, ибо есть таланты близкіе къ генію, и вообще подобное разграниченіе окончательно совершается временемъ и вѣками. Въ этомъ вопросѣ для насъ важно только то, что чѣмъ выше, сильнѣе, многостороннѣе, глубже, словомъ, огромнѣе талантъ, тѣмъ больше его извѣстность приближается къ славѣ, тѣмъ менѣе могутъ вредить ему случайныя отношенія; и наоборотъ: чѣмъ меньше и одностороннѣе талантъ, или низшая его степень — дарованіе, тѣмъ больше зависитъ оно не отъ самого себя, а отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, вліяніе которыхъ особенно сильно обнаруживается на него въ самое его возникновеніе и развитіе. Часто случается, что совершенно пустое и ничтожное дарованіе пользуется въ свое время громкою извѣстностію, похожею на славу, а истинный и замѣчательный талантъ проходитъ, незамѣченный толпою при жизни, забытый ею по смерти. И когда потокъ времени поглотитъ всѣ случайныя извѣстности и эфемерныя славы, тщетно сталъ бы кто-нибудь воскрешать непризнанную славу вотще промелькнувшаго таланта: его вновь заслоняютъ вновь возникшія извѣстности, его слава, его творенія принадлежатъ исключительно его времени, которое прошло для него и безплодно и безвозвратно. Потомство согласится, что онъ былъ выше тѣхъ, которые заслоняли его, но и на немъ не захочетъ остановить своего вниманія, также какъ и на нихъ. Впрочемъ, нельзя сдѣлать общаго правила изъ такого случая, потому именно, что онъ случай. Часто бываетъ и наоборотъ: часто пальма первенства достойно дается современниками первому по достоинству; но въ томъ-то и состоитъ зависимость таланта отъ случайности, что онъ также можетъ быть признанъ совре-

менниками, какъ и не признанъ ими. Только міровые геніи поставлены внѣ закона этой случайности, ибо не могутъ быть ни непризнанными, ни забытыми.

Конечно не стóитъ и хлопотать о талантѣ, который умеръ не живя, и котораго имени нельзя воззвать къ жизни. Но этому могутъ противорѣчить два обстоятельства. Вопервыхъ, истина и справедливость сами себѣ цѣль; для нихъ иногда можетъ быть важенъ предметъ болѣе по отношенію къ нимъ самимъ, чѣмъ къ себѣ самому. Во вторыхъ, если дѣло идетъ о такомъ талантѣ, который, будучи не признанъ при жизни, не можетъ возвратить должнаго себѣ послѣ своей смерти, не столько по недостатку въ силѣ, сколько по неразвитости, ложному направленію, или по причинамъ, скрывавшимся въ самой эпохѣ, въ которую онъ явился; тогда критикѣ стóитъ и очень стóитъ заняться имъ, какъ предметомъ замѣчательнымъ и поучительнымъ. Къ такимъ-то талантамъ принадлежитъ Полежаевъ. Теперь много именъ въ нашей литературѣ, пользующихся только прошедшею своею извѣстностію и на этомъ зыбкомъ основаніи тщетно требующихъ себѣ вниманія равнодушной къ нимъ современности, и однакожь всѣ они нѣкогда заслоняли собою Полежаева, котораго и теперь не видно изъ за ихъ поблекшей извѣстности. И какъ имъ было не заслонить его? ихъ стихотворенія печатались въ Петербургѣ, издавались такъ красиво, сами они писали другъ къ другу посланія, участвовали въ пріятельскихъ журналахъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ самъ Пушкинъ печатно величалъ своими сподвижниками... Стихи Полежаева ходили по рукамъ въ тетрадкахъ, журналисты печатали ихъ безъ спросу у автора, который былъ далеко; наконецъ, они и издавались, или за его отсутствіемъ, или безъ его вѣдома, на плохой бумагѣ, неопрятно и грубо, безъ разбора и безъ выбора — хорошее вмѣстѣ съ посредственнымъ, прекрасное съ дурнымъ...

Часто случается встрѣтить въ критикахъ и рецензіяхъ мнѣніе, что такой-то поэтъ могъ бы пріобрѣсти себѣ прочную славу, но погубилъ свое дарованіе, увлекшись звономъ риѳмы, вычурностію въ выраженіяхъ, и т. п. Справедливо ли такое мнѣніе?—Можетъ быть и справедливо, только крайне односторонне, по нашему мнѣнію. Почему Шиллеръ великій поэтъ?— Потому что получилъ отъ природы великій геній. А почему Шиллеръ не погубилъ своего великаго генія, почему онъ не увлекся звономъ риѳмы, вычурностію выраженія? Потому что онъ получилъ отъ природы великую душу, которая презирала мелочами и стремилась къ одному истинному, великому и вѣчному. Видите ли: здѣсь причина прежде всего въ натурѣ поэта, которая, уже по самой сущности своей, не допустила бы его сбиться съ пути. Но, скажутъ намъ, поэзія Шиллера велика не одною силою художническаго генія, не однимъ пламенемъ любви къ человѣчеству и къ истинѣ, но и мірообъемлющимъ, вѣчно юнымъ и вѣчно развивающимся содержаніемъ, котораго только возможность лежала въ его натурѣ, но которое усвоено, развито и обогащено было имъ посредствомъ ученія и неослабнаго стремленія за современными интересами. Такъ; но опять-таки начало всего — въ натурѣ поэта, душа котораго вѣчно сгарала жаждою знанія и сердце котораго вѣчно билось только для идей. Потомъ, здѣсь причина еще и въ духѣ, жизни и развитіи, словомъ — исторіи народа, среди котораго родился поэтъ, и наконецъ въ историческомъ моментѣ, въ которомъ засталъ поэтъ современное ему человѣчество. Это ужь не его заслуга, это—дѣло судьбы, велѣвшей ему родиться Германцемъ, а не Китайцемъ. Природа вездѣ природа, человѣкъ вездѣ человѣкъ: и въ Китаѣ можетъ родиться поэтъ съ организаціею и духомъ Шиллера, но Шиллеромъ никогда не будетъ, останется Китайцемъ: онъ выразитъ своими твореніями бѣдное содержаніе китайской жизни и въ уродливыхъ китай-

скихъ формахъ; Китайцы будутъ имъ восхищаться, но Европеецъ не пойметъ его ни въ подлинникѣ, ни въ лучшемъ переводѣ. Таково вліяніе національности на духъ и достоинство твореній поэта: она, эта національность, дѣлаетъ его и великимъ и ничтожнымъ. Но еслибы этотъ предположенный нами китайскій Шиллеръ и выдвинулся изъ своего народа, усвоивъ себѣ европейскую образованность и европейское знаніе, и тогда бы въ своихъ твореніяхъ былъ онъ только любопытнымъ фактомъ феноменологіи духа человѣческаго, а не великимъ явленіемъ въ сферѣ творчества, ибо великій поэтъ можетъ возникнуть только на національной почвѣ. Содержаніе для поэзіи даетъ поэту жизнь, а не наука: наука только обогащаетъ и развиваетъ это содержаніе. Не изъ книгъ почерпнулъ Шиллеръ свою ненависть къ униженному человѣческому достоинству въ современномъ ему обществѣ: онъ самъ, еще дитятей и юношей, перестрадалъ болѣзнями общества и перенесъ на себѣ тяжкое вліяніе его устарѣлыхъ формъ; наука только познакомила его съ причинами настоящаго, скрывавшимися въ вѣкахъ, уяснила вопросъ и дала сознательное направленіе энергической дѣятельности его могучаго духа. Равнымъ образомъ, не наукою постигъ онъ все великое и истинное въ среднихъ вѣкахъ: наука только уяснила ему этотъ вопросъ, а самый вопросъ возбудила въ немъ жизнь, ибо современная ему цивилизація была результатомъ среднихъ вѣковъ, съ ихъ добромъ и зломъ. Болѣе ощутительно вліяніе науки на Шиллера въ его сочувствіи съ древнимъ міромъ; но и тутъ корень этого сочувствія скрывался въ исторіи его отечества, связанной съ исторіею Рима, а чрезъ нее и съ исторіею Греціи. Предполагаемый нами китайскій геній могъ бы усвоить себѣ только извнѣ европейскую образованность и просвѣщеніе: выростая безъ почвы, она не принесла бы и плодовъ; не понятый соотечественниками, онъ не былъ бы оцѣненъ и Европейцами.

Другое дѣло, еслибъ, родившись въ Европѣ, или перевезенный туда младенцемъ, онъ выросъ и развился въ духѣ и жизни той страны; но тогда бы онъ могъ быть только поэтомъ этой страны, а отнюдь не китайскимъ поэтомъ.

И такъ, два обстоятельства творятъ великихъ поэтовъ— натура и исторія. Вслѣдствіе этого, и величайшій по своей натурѣ и поэтическимъ силамъ поэтъ не можетъ достигнуть въ искусствѣ назначенной ему высоты, если онъ родился среди народа, котораго національность или лишена міроваго значенія, или еще не развилась до него; въ такомъ случаѣ, онъ можетъ быть ниже не только равныхъ ему, но и низшей натуры и меньшими творческими силами одаренныхъ поэтовъ, которыхъ геній воспитался на почвѣ національности, имѣющей міровое значеніе. При оцѣнкѣ степени достоинства того или другаго поэта, нельзя не брать въ соображеніе этого обстоятельства, если хотите быть справедливыми и многосторонними въ своемъ приговорѣ.

Все сказанное нами относится только къ тѣмъ великимъ поэтамъ, которые столько же принадлежатъ человѣчеству, сколько и своему отечеству, и къ которымъ, поэтому, такъ идетъ эпитетъ «міровыхъ». Нельзя не быть великимъ поэтомъ, будучи міровымъ поэтомъ; но можно быть великимъ поэтомъ, не будучи міровымъ поэтомъ: эта разница не въ натурѣ поэта, а въ историческомъ значеніи его отечества. Но гдѣ жизнь, тамъ и поэзія, а слѣдовательно и содержаніе для поэзіи. Только содержаніе можетъ быть истиннымъ мѣриломъ всякаго поэта,—и геніяльнаго и просто даровитаго. Слѣдовательно, прежде чѣмъ говорить: «такой-то поэтъ могъ бы быть великимъ, но погубилъ свое дарованіе», должно, на основаніи содержанія его поэзіи, показать сперва, дѣйствительно ли его талантъ былъ великъ, а потомъ—столько ли онъ былъ великъ, чтобы, опираясь на своей силѣ, не могъ сбиться съ настоящаго пути

и утратить свою силу. А то говорятъ: «г. NN обѣщалъ много, но увлекся звономъ риѳмы—и изъ него не вышло ничего!» Но, милостивые государи! на чемъ же вы основываете, что онъ много обѣщалъ, если такіе пустяки, какъ звонъ риѳмы, или вычурность въ выраженіи, могли сбить его съ толку? Не все ли это равно, что сказать: «такой-то господинъ подавалъ блестящія надежды быть великимъ полководцемъ; но, къ сожалѣнію, увлекшись врожденною трусостію, оставилъ военное поприще и рѣшился опредѣлиться въ становые пристава?» Если-бы въ васъ было побольше эстетическаго такта, то, увѣряемъ васъ, вы въ первыхъ же произведеніяхъ вашей мнимо-великой будущей надежды увидѣли бы только звонъ риѳмы и поняли бы, что больше звонаря изъ него ничего никогда не выйдетъ! Странно было бы назвать Лермонтова великимъ поэтомъ за двѣ написанныя имъ книжки; но о немъ всѣ говорятъ какъ о великомъ поэтѣ, ибо въ этихъ двухъ книжкахъ онъ далъ залогъ своего будущаго великаго развитія,—и никому, кромѣ людей, которые въ искусствѣ ничего не смыслятъ,—никому не прійдетъ въ голову сказать, что Лермонтовъ могъ бы со временемъ погубить свой талантъ, увлекшись звономъ риѳмы, или вычурностію фразы. Такіе таланты обезсиливаютъ себя не подобными пустяками, а развѣ тѣмъ, что, отрываясь отъ современныхъ интересовъ, предаются созерцательному отчужденію отъ живой дѣйствительности и засыпаютъ въ поэтическомъ аскетизмѣ, или живутъ жизнію прошедшаго, холодные къ современному, которое, въ свою очередь, равнодушно къ ихъ запоздалымъ интересамъ.

Какъ бы то ни было, но если и для великихъ талантовъ возможно свое паденіе, тѣмъ болѣе возможно оно для дарованій второстепенныхъ. Но и въ отношеніи къ нимъ, мы все-таки разумѣемъ не «риѳменный звонъ» и не «вычурную фразу», которыми способны увлекаться только дарованія внѣшнія, ли-

шенныя внутренней самостоятельной силы, чуждыя всякаго содержанія. Гладкій и звучный стихъ внѣ содержанія, обнаруживаетъ только способность къ формѣ поэтической; въ отношеніи къ истинной поэзіи, онъ то же самое, что̀ реторика въ отношеніи къ истинному краснорѣчію. Чтобъ стихъ былъ поэтическій, не только мало гладкости и звучности, но недостаточно и одного чувства: нужна мысль, которая и составляетъ истинное содержаніе всякой поэзіи. Эта мысль даетъ себя чувствовать въ поэзіи, какъ извѣстный взглядъ на извѣстную сторону жизни, какъ начало (principe), которымъ вдохновляются и живутъ творенія поэта. Каждый вѣкъ и каждое время питаетъ свою думу о жизни, стремится къ своимъ цѣлямъ, и источникомъ всѣхъ своихъ побужденій имѣетъ единое начало; и чѣмъ поэтъ выше, тѣмъ болѣе выражается въ немъ эта дума его времени. Всякое истинное содержаніе отличается жизненностію, вслѣдствіе которой оно движется впередъ, развивается, а не стоитъ, оцѣпенѣлое, на одномъ мѣстѣ, или, подобно попугаю, не повторяетъ вѣчно одного и того же, и притомъ одними и тѣми же словами. Вотъ почему истинные поэты постепенно, съ теченіемъ времени, становятся глубже и совершеннѣе въ своихъ твореніяхъ; и вотъ почему творенія истинныхъ поэтовъ располагаются умными издателями не по родамъ, а въ хронологическомъ порядкѣ, сообразно съ временемъ появленія на свѣтъ каждаго изъ нихъ. А откуда же возьмется это движеніе, эта постепенность совершенствованія, если поэтъ барабанитъ своими гладкими и звучными стихами вѣчно одно и то же,—напримѣръ: студентскія попойки, звонъ рюмокъ, хлопанье пробокъ, дѣву-красоту, у которой перси всегда полны, а сердце пусто? Тутъ можетъ быть услуга только языку и версификаціи, а отнюдь не поэзіи. И не диво, если такой стихотворецъ, ошибочно провозглашенный поэтомъ, скоро выпишется, всѣмъ надоѣстъ старыми погудками на новый ладъ, или новыми

погудками на старый ладъ, утратитъ даже свой бойкій, звонкій и гладкій стихъ, и, мертвый для всякихъ современныхъ, живыхъ интересовъ, по привычкѣ будетъ, отъ времени до времени, плохими стихами, воспѣвать, въ пріятельскихъ журналахъ, то рейнвейнъ, который нѣжитъ такъ-сказать глубокомысленно, то малагу, которую пьютъ, когда уже ничего другаго желудокъ не выноситъ?... Важное дѣло знать намъ, какое вино пьетъ господинъ стихотворецъ... Послѣ такой фамильярности съ доброю публикою, ему остается только увѣдомлять ее, разумѣется, въ стихахъ, въ какомъ погребѣ беретъ онъ свое вино. Оно бы и лучше: тогда стихи его имѣли бы цѣну и достоинство хоть прейсъ-курантовъ, и потому хоть на что-нибудь годились бы... И послѣ этого еще говорятъ, что онъ много обѣщалъ, но жаль-де, что, увлекшись звономъ риѳмы, погубилъ свой талантъ... Да въ риѳменномъ-то звонѣ и заключался весь его талантъ, почтенные господа-аристархи!...

Но не лучше его и тѣ риѳмотворцы, у которыхъ, кажется, что ни слово, то мысль, а какъ вглядишься—такъ что ни слово, то реторическая завитушка, или дикое сближеніе несближаемыхъ предметовъ. Одинъ изъ такихъ господъ, пожалуй, такъ опишетъ вамъ дружбу: «у меня, скажетъ онъ, есть въ сердцѣ рана: она вѣчно истекаетъ кровью; ее нанесъ мнѣ другъ нѣжною рукою, и сквозь ту рану онъ смотритъ въ мое сердце», и тому подобное. Другой, пожалуй, пропищитъ: «что въ морѣ купаться, то-де читать Данта; его стихи упруги и полны, какъ моря упругія волны». Третій чудакъ, пожалуй, соблазнясь этимъ образцовымъ примѣромъ, затянетъ: «что макароны ѣсть съ пармезаномъ—то Петрарку читать: стихи его гладко скользятъ въ душу, какъ эти обмасленныя, круглыя и длинныя бѣлыя нити скользятъ въ горло». Четвертый посовѣтуетъ юношамъ не «призывать вдохновенія на высь чела, вѣнчаннаго звѣздой», или станетъ воспѣвать

грудь, которая «высоко взметалась безпредметною любовію»; любовь, которая «гнѣздится въ ущеліяхъ сердецъ»; дѣву, которой станъ «поэтъ вносилъ въ вихрь круженія на огненной ладони»; струи времени, «возраставшія мохъ забвенія на развалинахъ любви»; гибкій станъ, въ которомъ «поэтъ утопляетъ горящую ладонь»; искру души, которая «прихотливо подлетѣла къ парѣ черненькихъ глазъ и умильно посмотрѣла въ окна своей храмины»; дѣву, которая, «сидя на жеребцѣ, гордится усѣстомъ»,—и тому подобную дикую галиматью, которую иногда и на самомъ дѣлѣ выдаютъ намъ за полную мыслей поэзію, и которую основательная критика должна преслѣдовать огнемъ и мечемъ, какъ преступленіе противъ здраваго смысла, языка, литературы и искусства... Нѣтъ, не такова поэзія, полная мысли: она проста, естественна, неизысканна, какъ творенія природы, выразившія собою мысль Творца... О такихъ риѳмачахъ, если только бываютъ на свѣтѣ такіе риѳмачи, нельзя говорить: «они многое обѣщали, а мало сдѣлали»; но должно говорить: «они ничего не обѣщали хорошаго, и много написали вздорнаго».

Есть поэты, въ которыхъ нельзя не признать ни чувства, ни вдохновенія, ни поэтической формы, но о которыхъ, по первымъ же ихъ произведеніямъ, можно безошибочно сказать, что они недалеко пойдутъ и скоро выпишутся. Это тѣ односторонніе дарованія, которыя пробуждаются отъ какой-нибудь случайности — несчастія, утраты, и, открывъ въ душѣ своей затаенный родникъ грустной поэзіи, скоро исчерпываютъ его весь, настроивъ свою лиру на одинъ тонъ; а потомъ, когда неглубокій родникъ истощится и пересохнетъ, уже по привычкѣ къ риѳмамъ, продолжаютъ вяло и бездушно выговаривать то, что нѣкогда пѣлось у нихъ по крайней мѣрѣ искренно и тепло... Потомъ, это тѣ эфемерныя души, которыя бываютъ юны только во время юности; переживъ юность, онѣ тотчасъ же отцвѣ-

таютъ, и скоро мирятся съ прозою жизни. И слава имъ, если они, изъ поэтовъ сдѣлавшись агрономами, чиновниками, спекулянтами, совсѣмъ забываютъ свою лиру для счетовъ, аршина или дѣловыхъ бумагъ; и позоръ имъ, если они вздумаютъ обманывать и себя и другихъ риѳмованною стукотнею безчувственныхъ чувствъ и безсмысленныхъ мыслей!.. Юность дается человѣку только разъ въ жизни, и въ юности каждый изъ нихъ доступнѣе, чѣмъ въ другомъ возрастѣ, всему высокому и прекрасному. Благо тому, кто сохранитъ юность до старости, не давъ душѣ своей остыть, ожесточиться, окаменѣть

Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,
Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ, модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, маленькихъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я —
Купаюсь, милые друзья.

Да, возможное совершенство каждаго человѣка, то, къ чему долженъ и можетъ стремиться каждый человѣкъ, состоитъ именно въ томъ, чтобъ, и доживши до сѣдыхъ волосъ, даже у

края могилы, не пережить своей юности... Но увы! сколь немногіе достигаютъ этого, и сколь многіе старѣются, когда еще не миновалась и юность ихъ! Эта разница происходитъ, при многихъ причинахъ, прежде всего отъ разницы въ натурахъ, съ которыми родятся люди. Это же и главная причина, отчего одинъ поэтъ всю жизнь сохраняетъ свое вдохновеніе, а другой теряетъ его послѣ десятка хорошихъ, впрочемъ, стихотвореній. И напрасно о такихъ поэтахъ говорятъ: «какъ много обѣщалъ онъ и какъ мало выполнилъ!» О такихъ, напротивъ, чаще можно говорить: «онъ обѣщалъ еще меньше, нежели сколько выполнилъ»...

«Но, говорятъ, еслибы онъ писалъ такъ, а не этакъ, воспѣвалъ то, а не это — онъ сохранилъ бы свой талантъ». Нѣтъ, милостивые государи, тому нѣтъ спасенія, кто въ самомъ-себѣ, въ слабости своей натуры, носитъ своего врага... «Но еслибы онъ слушался критики?» — Поэтовъ творитъ природа и жизнь, а не критика, и для нихъ поучительнѣе критика на чужія сочиненія, чѣмъ на ихъ собственныя... «Однакожь, отчего же нибудь онъ сбился же?» — Для такихъ талантовъ на каждомъ шагу жизни стоятъ силки, и отъ чего бы то ни было, но имъ надо сбиться... Въ отношеніи къ нимъ, даже не интересно и изслѣдовать причины паденія.

Гораздо поучительнѣе паденіе такихъ поэтовъ, которые не такъ сильны, чтобъ не бояться паденія, и не такъ слабы, чтобъ выдохнуться незамѣтно и испариться въ болотной атмосферѣ житейской повседневности; но которые, или достигаютъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, той степени развитія, что ихъ творенія дѣлаются капитальнымъ, хотя и второстепеннымъ сокровищемъ отечественной литературы; или, при неблагопріятствѣ судьбы, пролетаютъ по пути жизни блудящею кометою, являя своею жизнію и своими произведеніями зрѣлище печальное и поучительное. Таковъ былъ талантъ Полежаева...

Стихотворенія Полежаева начали являться въ печати съ 1826 года; но они были знакомы Москвѣ еще прежде, равно какъ и имя ихъ автора. Извѣстность Полежаева была двоякая, и въ обоихъ случаяхъ печальная: поэзія его тѣсно связана съ его жизнію, а жизнь его представляла грустное зрѣлище сильной натуры, побѣжденной дикою необузданностью страстей, которая, совративъ его талантъ съ истиннаго направленія, не дала ему ни развиться, ни созрѣть. И потому, къ своей поэтической извѣстности, не для всѣхъ основательной, онъ присовокупилъ другую извѣстность, которая была проклятіемъ всей его жизни, причиною ранней утраты таланта и преждевременной смерти... Это была жизнь буйнаго безумія, способнаго возбудить къ себѣ и ужасъ и состраданіе: Полежаевъ не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели. Полежаева уже нѣтъ, и потому о немъ можно говорить прямо и открыто: подобная откровенность никого не оскорбитъ, но многимъ будетъ поучительна. Онъ былъ явленіемъ общественнымъ, историческимъ, — и говоря о немъ, мы говоримъ не о частномъ человѣкѣ. Къ тому же, въ нашемъ сужденіи о Полежаевѣ, мы будемъ основываться не на какихъ-нибудь постороннихъ и сомнительныхъ свидѣтельствахъ, а на его собственныхъ поэтическихъ признаніяхъ: ибо всѣ лучшія его произведенія суть не иное что̀, какъ поэтическая исповѣдь его безумной, страдальческой жизни. Мы пишемъ не для того, чтобъ осуждать, а для того, чтобъ поучать и поучаться изъ такого разительнаго примѣра: могила миритъ все, и надъ нею должны раздаваться не проклятія и осужденія, а слова примиренія и благословенія...

Слишкомъ рано понявъ безотчетнымъ чувствомъ, что толпа жила и держалась правилами, которыхъ смысла сама не понимала, но къ которымъ равнодушно привыкла, Полежаевъ, подобно многимъ людямъ того времени, не подумалъ, что онъ

могъ и долженъ былъ уволить себя только отъ понятій и нравственности толпы, а не отъ всякихъ понятій и всякой нравственности. Освобожденіе отъ предразсудковъ онъ счелъ освобожденіемъ отъ всякой разумности, и началъ обожать эту буйную свободу. Свобода была его любимымъ словомъ, его любимою риѳмою, — и только въ минуты душевной муки понималъ онъ, что то была не свобода, а своеволіе, и что наиболѣе свободный человѣкъ есть въ то же время и наиболѣе подчиненный человѣкъ.

Избытокъ силъ пламенной натуры заставилъ его обожать другаго, еще болѣе страшнаго идола — чувственность. Для человѣка необходимъ періодъ идеальныхъ, восторженныхъ стремленій и порываній: перешедъ черезъ него, онъ можетъ отрѣшиться отъ всего мечтательнаго и фантастическаго, но уже не можетъ остаться животнымъ даже въ своихъ чувственныхъ увлеченіяхъ, которыя у него будутъ смягчены и облагорожены чувствомъ красоты и примутъ характеръ эстетическій. И Полежаевъ пережилъ этотъ періодъ идеальнаго чувства, но уже слишкомъ не во-время, какъ мы увидимъ. Сначала, онъ, который не имѣлъ права сказать о себѣ, что не зналъ мятежнаго волненія страстей, — онъ имѣлъ право сказать:

Какъ минутный
Прахъ въ эѳирѣ,
Безпріютный
Странникъ въ мірѣ,
Одинокъ,
Какъ челнокъ.
Узъ любови
Я не зналъ,
Жаждой крови
Не сгаралъ!

Онъ имѣлъ право, не клевеща на самого себя для краснаго словца, сказать красавицѣ, не сводившей съ него задумчивыхъ очей и припадавшей къ нему на грудь въ порывахъ забвенья:

Ты ничего въ меня вдохнуть
Не можешь, кромѣ сожалѣнья!
Меня не въ силахъ воскресить
Твои горячія лобзанья,
Я не могу тебя любить,
Не для меня очарованья!
. . . . , .
Я рано сорвалъ жизни цвѣтъ;
. . . .
И прежнихъ чувствъ и прежнихъ лѣтъ
Не возвратитъ ничто земное!
Еще мнѣ милы—красота
И дѣвы пламенные взоры;
Но сердце мучитъ пустота,
А совѣсть—мрачные укоры!
Люби другаго: быть твоимъ
Я не могу, о другъ мой милой!...
Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!

И потому не удивительно, если не во время и не въ пору явившееся мгновеніе было для поэта не вѣстникомъ радости и блаженства, а вѣстникомъ гибели всѣхъ надеждъ на радость и блаженство, и исторгнуло у его вдохновенія не гимнъ торжества, а вотъ эту страшную, похоронную пѣснь самому себѣ:

О грустно мнѣ! Вся жизнь моя—гроза!
Наскучилъ я обителью земною!

Зачѣмъ же вы горите предо мною,
Какъ райскіе лучи предъ сатаною,
Вы—черные, волшебные глаза?

Увы! давно печаленъ, равнодушенъ,
Я привыкалъ къ лихой моей судьбѣ:
Неистовый, безжалостный къ себѣ,
Презрѣлъ ее въ отчаянной борьбѣ,
И гордо былъ несчастію послушенъ!

Старинный рабъ мучительныхъ страстей,
Я испыталъ ихъ бремя роковое—
И буйный духъ, и сердце огневое
Давно смирилъ въ обманчивомъ покоѣ,
Какъ лютый врагъ покоя и людей!

Въ моей тоскѣ, въ неволѣ безотрадной,
Я не страдалъ, какъ робкая жена;
Меня несла противная волна,
Несла на смерть—и гибель не страшна
Казалась мнѣ, въ пучинѣ безпощадной.

И мракъ небесъ, и громъ, и черный валъ,
Любилъ встрѣчать я думою суровой,
И свисту бурь, подъ молніей багровой,
Внимать, какъ мужъ, отважный и готовый
Испить до дна губительный фіалъ...

И погрузясь въ преступныя сомнѣнья
. . . . . . о цѣли бытія,

Я трепеталъ, чтобъ истина меня,
Какъ яркій лучъ, внезапно осѣняя,
Не извлекла изъ тьмы ожесточенья.

Мнѣ страшенъ былъ великій переходъ,
Отъ дерзкихъ думъ до свѣта Провидѣнья;
Я избѣгалъ невиннаго творенья,
Которое бъ могло изъ сожалѣнья,
Моей душѣ дать выспренній полетъ —

И вдругъ оно, какъ ангелъ благодатный...
О нѣтъ! — какъ духъ, карающій и злой,
Свѣтлѣе дня явилось предо мной,
Съ улыбкой розъ, пылающихъ весной,
На муравѣ долины ароматной!...

Явилось... все исчезло для меня:
Я позабылъ, въ мучительной невзгодѣ,
Мою любовь и ненависть къ природѣ,
Безумный пылъ къ утраченной свободѣ,
И все, чѣмъ жилъ, дышалъ доселѣ я...

Въ ея очахъ, алмазныхъ и привѣтныхъ,
Увидѣлъ я, съ невольнымъ торжествомъ,
Земной эдемъ!... Какъ будто существомъ
Другихъ міровъ—какъ-будто божествомъ
Исполненъ былъ въ мечтаніяхъ завѣтныхъ.

И дѣва-рай, и дѣва-красота
Лила мнѣ въ грудь невыразимымъ взоромъ

Невинную любовь, съ таинственнымъ укоромъ,
И пѣла въ ней душа небеснымъ хоромъ:
«Люби меня!—И въ очи и въ уста

Лобзай меня, пѣвецъ осиротѣлый,
Какъ мотылекъ лилею поутру!
Люби меня, какъ милую сестру, —
И снова я и къ небу, и къ добру
Направлю твой разсудокъ омертвѣлый!...»

И что жь? Совершилось ли возрожденіе — этотъ великій актъ любви? и святая власть женственнаго существа побѣдила ли ожесточенную мужскую твердость? — Нѣтъ! поэтъ не воскресъ, а только пошевелился въ гробѣ своего отчаянія: солнечный лучъ поздно упалъ на поблекшій цвѣтъ его души... Остальная половина этого стихотворенія, или, лучше сказать, этой поэтической исповѣди, отличается тою хоатическою неопредѣленностью, въ какую погрузило душу поэта его полувозрожденіе: и какъ ничего положительнаго не могло выйдти изъ новаго состоянія души поэта, такъ ничего не вышло и изъ стихотворенія, въ которомъ онъ силился его выразить. Эта неопредѣленность отразилась и на стихахъ: стихъ, доселѣ поэтическій, даже крѣпкій и сжатый, становится прозаическимъ, вялымъ и растянутымъ, и только мѣстами сверкаетъ прежнимъ огнемъ, какъ угасающій волканъ; цѣлые куплеты ничего не заключаютъ въ себѣ, кромѣ словъ, въ которыхъ видно одно тщетное усиліе что-то сказать.

Можно догадываться изъ этихъ стиховъ, что душа поэта пережила его тѣло, и, живой трупъ, онъ умиралъ медленною смертью, томимый уже безплодными желаніями... Страшное состояніе!

И какъ же понятны, послѣ этого, стихи Полежаева:

Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!...

Эти «черные глаза», очевидно, были важнымъ, хотя уже и безвременнымъ фактомъ въ жизни Полежаева: скорбному воспоминанію о нихъ посвящена еще цѣлая, и притомъ прекрасная пьеса — «Грусть».

Но это только мгновеніе въ жизни поэта; другая любовь неотступно жила съ нимъ и погубила его—это та, о которой онъ самъ сказалъ:

... въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Миръ души погребла
Въ шумной волѣ любовь!
Не воскреснетъ она!

Эта-то любовь, извлекшая столько грязныхъ пѣсенъ, извлекала иногда и поэтическіе звуки изъ души поэта, какъ въ прекрасной пѣснѣ его — «Цыганка».

Но апоѳеозу идола, спалившаго цвѣтъ жизни поэта, представляетъ его пьеса «Гаремъ». Въ этомъ диѳирамбѣ выражено объясненіе ранней гибели его таланта... Онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «Ренегата» и, по множеству мѣстъ цинически безстыдныхъ и безумно вдохновенныхъ, не могъ быть напечатанъ вполнѣ. Азія — колыбель младенческаго человѣчества и, какъ элементъ, не могла не войдти и въ жизнь возмужавшаго и одухотворившагося Европейца, но какъ элементъ— не больше; исключительное же ея обожаніе—смерть души и тѣла, позоръ и гибель при жизни и за могилою... Полежаевъ

жилъ въ Азіи, а Европа только на мгновеніе шевелила его душою; удивительно ли что онъ

Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Чтò любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни своей?

Отличительный характеръ поэзіи Полежаева—необыкновенная сила чувства. Явившись въ другое время, при болѣе-благопріятныхъ обстоятельствахъ, при наукѣ и нравственномъ развитіи, талантъ Полежаева принесъ бы богатые плоды, оставилъ бы послѣ себя замѣчательныя произведенія и занялъ бы видное мѣсто въ исторіи русской литературы. Мысль для поэзіи тоже, чтò масло для лампы: съ нимъ она горитъ пламенемъ ровнымъ и чистымъ, безъ него вспыхиваетъ по временамъ, издаетъ искры, дымится чадомъ и постепенно гаснетъ. Мысль всегда движется, идетъ впередъ, развивается. И потому творенія замѣчательныхъ поэтовъ (не говоря уже о великихъ) постепенно становятся глубже содержаніемъ, совершеннѣе формою. Полежаевъ остановился на одномъ чувствѣ, которое всегда безотчетно и всегда заперто въ самомъ себѣ, всегда вертится около самого себя, не двигаясь впередъ, всегда монотонно, всегда выражается въ однообразныхъ формахъ.

Въ пьесѣ «Ночь на Кубани», вопль отчаянія смягченъ какою-то грустью и совпадаетъ съ единственно-возможною надеждою на прощеніе отъ подобнаго себѣ несчастливца, собственнымъ опытомъ познавшаго, чтò такое несчастіе:

Лишь онъ одинъ постигнуть можетъ,
Лишь онъ одинъ пойметъ того,
Чье сердце червь могильный гложетъ!

Какъ пальма въ зеркалѣ ручья,
Какъ тѣнь налетная въ лазури,
Въ немъ отразится послѣ бури
Душа унылая моя!

Естественно, что Полежаевъ, въ свѣтлую минуту душевнаго умиленія, обрѣлъ столько еще тихаго и глубокаго вдохновенія, чтобы такъ прекрасно выразить одно изъ величайшихъ преданій Евангелія, въ пьесѣ «Грѣшница».

Можетъ-быть, послѣ этого намъ будетъ легче и поучительнѣе внимать страшнымъ признаніямъ поэта... Тяжесть паденія его была бы не вполнѣ обнята нами безъ двухъ пьесъ его — «Живой мертвецъ» и «Цѣпи».

«Вечерняя заря», одна изъ лучшихъ пьесъ Полежаева, есть та же погребальная пѣсня всей жизни поэта; но въ ней отчаяніе растворено тихою грустью, которая особенно поразительна при сжатости и могучей энергіи выраженія — обыкновенныхъ качествъ его поэзіи.

Но Полежаевъ зналъ не одну муку паденія: онъ зналъ также и торжество возстанія, хотя и мгновеннаго; съ энергической и мощной лиры его слетали не одни диссонансы, проклятія и вопли, но и гармонія благословеній... Такъ въ пьесѣ:

Я погибалъ;
Мой злобный геній
Торжествовалъ!

Въ другое время, сорвались съ его лиры звуки торжества и возстанія, но уже слишкомъ поздняго, и уже не столь сильные и громкіе: посмотрите, какая нескладица въ большой половинѣ пьесы «Раскаяніе», какъ хорошіе стихи мѣшаются въ ней съ плохими до безсмыслицы, и какъ торжественно окончаніе ея;

оно можетъ служить образцомъ того, что̀ называется въ эстетикѣ «высокимъ».

Полежаевъ никогда бы не былъ однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которыхъ главное достоинство—пластическая художественность и виртуозность формъ; которыхъ значеніе бываетъ такъ велико въ сферѣ собственно-искусства, и такъ не велико въ сферѣ общей, объемлющей собою не одно искусство, но и всю область духа; въ которыхъ такая бездна поэзіи, и такъ мало современныхъ вопросовъ, такъ мало общихъ интересовъ... Талантъ Полежаева могъ бы сдѣлаться безсмертнымъ, еслибы воспитался на плодородной почвѣ историческаго міросозерцанія. Въ его поэзіи мало содержанія; но изъ нея же видно, что она, по своему духу, должна была бы развиться преимущественно въ поэзію содержанія. Отселѣ эта крѣпость и мощь стиха, сжатость и рѣзкость выраженія. Но къ этому не достаетъ отдѣлки, точности въ словахъ и выраженіяхъ; причиною этого было сколько то, что онъ небрежно занимался поэзіею и никогда не отдѣлывалъ окончательно своихъ стихотвореній, замѣняя неточныя выраженія опредѣленными, слабые стихи—сильными, растянутыя мѣста — сжатыми; столько и то, что, оставшись при одномъ непосредственномъ чувствѣ, онъ не развилъ и не возвысилъ его, наукою и размышленіемъ, до вкуса. Другой важный недостатокъ его поэзіи, тѣсно связанный съ первымъ, состоитъ въ неумѣньи овладѣть собственною мыслію и выразить ее полно и цѣлостно, не примѣшивая къ ней ничего посторонняго и лишняго. Причина этого опять въ неразвитости и происходящей изъ нея неясности и неопредѣленности созерцанія. Поучительнымъ для молодыхъ поэтовъ примѣромъ подобно̀й невыдержанности могутъ служить двѣ прекрасныя, но испорченныя пьесы Полежаева, въ совершенно-различныхъ родахъ. Первая называется «Море», а вторая «Баю, баюшки-баю». Какая грубая смѣсь прекраснаго съ низкимъ и безобразнымъ,

граціознаго съ безвкуснымъ! Окончаніе послѣдней пьесы, въ которомъ заключена вся мысль ея, стоило, чтобъ для нея выписать всю пьесу. Истинное эстетическое чувство и истинный критическій тактъ состоятъ не въ томъ, чтобъ, замѣтивъ несовершенство, или дурныя мѣста въ произведеніи, отбросить его отъ себя съ презрѣніемъ, но чтобъ не пропустить немногаго хорошаго и во многомъ дурномъ оцѣнить его и насладиться имъ.

Впрочемъ, съ лиры Полежаева сорвалось нѣсколько произведеній безукоризненно-прекрасныхъ. Такова его дивная «Пѣснь плѣннаго Ирокезца» — этотъ высокій образецъ благородной силы въ чувствѣ и выраженіи; такова его прекрасная по мысли, хотя и не безусловно-непогрѣшительная по выраженію, пьеса «Божій Судъ»; таковъ его переводъ пьесы Байрона «Вальтасаръ», который нѣкогда былъ неправо присвоенъ себѣ однимъ стихотворцемъ и напечатанъ въ «Московскомъ Телеграфѣ»,—что̀ и произвело большіе споры между этимъ журналомъ и «Галатеею», гдѣ спорная пьеса была получена изъ настоящаго источника.

Есть у Полежаева нѣсколько пьесъ въ народномѣ тонѣ; тонъ ихъ не вездѣ выдержанъ, но онѣ вообще показываютъ въ нашемъ поэтѣ большую способность къ произведеніямъ этого рода. Таковы: «У меня ль молодца», «Окно», «Долго ль будетъ вамъ безъ умолку идти», «Тамъ на небѣ высоко» и «Узникъ». Послѣдняя особенно невыдержана и, несмотря на то, особенно прекрасна.

Доказательствомъ же, что въ натурѣ Полежаева лежало много человѣческихъ элементовъ, можетъ служить его стихотвореніе на погребеніе дѣвушки.

Полежаевъ свободно владѣлъ и языкомъ и стихомъ: изысканность въ выраженіяхъ происходила у него отъ небрежности въ трудѣ и отъ недостатка въ развитіи. Онъ часто какъ будто

игралъ стихами, выбирая трудные по короткости стиховъ размѣры, гдѣ одна риѳма могла бы стать непреоборимымъ препятствіемъ. Можно ли выказать больше одушевленія, чувства, и въ такихъ прекрасныхъ стихахъ, какъ въ пьесѣ «Пѣснь погибающаго пловца», писанной двухстопными хореями съ риѳмами?

«Вальтасаръ» можетъ служить доказательствомъ необыкновенной способности Полежаева переводить стихами. Только ему надо было переводить что-нибудь гармонировавшее съ его духомъ, и преимущественно лирическія произведенія, по причинѣ субъективной настроенности его натуры. Но неразвитость его была причиною неудачнаго выбора пьесъ для перевода. Полежаевъ съ жадностію переводилъ водяныя «медитаціи» Ламартина, которыя всего вѣрнѣе можно назвать «реторическими разглагольствованіями». Онъ перевелъ ихъ съ полдюжину, и притомъ самыхъ длинныхъ. Переводы его прекрасны, и если чрезвычайно скучны, то это ужь вина Ламартина, а не Полежаева.

Мы выше сказали, что натура Полежаева была чисто субъективная. Поэтому, настоящимъ его призваніемъ была лирическая поэзія, и всѣ попытки его на поэмы были весьма неудачны. Поэма его «Коріоланъ» отличается реторическимъ характеромъ; звучныхъ стиховъ въ ней много, но поэтическихъ весьма мало. Этому причиною и неразвитость его: онъ не понималъ ни духа римскаго народа, ни историческаго значенія избраннаго имъ героя. И потому, содержаніе его «Коріолана»—общія реторическія мѣста. То же можно сказать, не боясь ошибиться, и о другой его поэмѣ «Видѣніе Брута». Даже и лирическія его произведенія, отличающіяся длиннотою, относятся къ такимъ же неудачнымъ попыткамъ, какъ напр. пьеса «Гременчугское кладбище». Впрочемъ, длинныя лирическія произведенія и у какого-угодно поэта рѣдко бываютъ хорошими произведеніями.

Полежаевъ много писалъ въ сатирическомъ родѣ — и это самыя неудачныя, самыя жалкія его попытки. Таковы: «Иманъ Козелъ», «День въ Москвѣ», «Кредиторы», «Чудакъ», «Авторъ и Читатель» и разныя мелочи. Всѣ онѣ отзываются дурнымъ тономъ харчевенъ и простонародныхъ ресторацій, и могутъ восхищать своимъ остроуміемъ развѣ ту почтенную публику, которая съ господскими шубами на рукахъ присутствуетъ къ корридорахъ театровъ и въ прихожихъ домовъ. Это происходило не отъ недостатка у поэта въ природномъ остроуміи, а отъ того круга общества, въ которомъ онъ погубилъ свой талантъ, свое счастіе и свою жизнь. Пьеска «Тарки» — показываетъ, что онъ не чуждъ былъ юмористической веселости, но что ему не доставало лишь тонкаго эстетическаго такта приличія.

Нельзя не пожелать, чтобъ люди, имѣющіе право на собственность сочиненій Полежаева и такъ дурно издающіе ихъ— издали бы ихъ опрятно, на хорошей бумагѣ, безъ искаженія стиховъ, безъ грамматическихъ ошибокъ, безъ опечатокъ, а главное — съ разборомъ и съ толкомъ, исключивъ нелѣпыя сатирическія пьесы, о которыхъ мы говорили, и плоскія эпиграммы («Картина», «Напрасное подозрѣніе»); надутыя и пустозвонныя торжественныя оды («Въ память благотвореній», «Геній») и всѣ слабыя изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ. Безъ этого хлама, книжка выйдетъ небольшая, за то прекрасная по содержанію и необходимая для каждаго любителя отечественной литературы. Можно, если угодно, включить въ нее и «Оскара Альфскаго» и всѣ переводы изъ Ламартина и Делавиня, для почитателей этихъ поэтовъ и для образца способности Полежаева къ переводамъ; но въ такомъ случаѣ, всѣхъ ихъ должно соединить въ одномъ отдѣлѣ, въ концѣ книги, не мѣшая съ мелкими пьесами. Можно включить въ нее и эпическіе опыты — «Коріолана» и «Видѣніе Брута», какъ фактъ ложнаго развитія

сильнаго дарованія, но опять съ условіемъ, чтобъ они были помѣщены въ особомъ отдѣлѣ. Вотъ перечень мелкихъ пьесъ, которыя могутъ войдти въ дѣльное изданіе сочиненій Полежаева: «Посвященіе другу его А. П. Л—му»; «Морни и тѣнь Кормала» (изъ Оссіана); «Вальтасаръ»; «Море»; «Водопадъ»; «Живой Мертвецъ»; «Ожесточенный»; «Провидѣніе»; «Цѣпи»; «Погребеніе»; «Вечерняя Заря»; «Пѣснь плѣннаго Ирокезца»; «Пѣснь погибающаго пловца»; «Любовь»; «Звѣзда»; «Зачѣмъ задумчивыхъ очей»; «У меня ль молодца»; «Тамъ на небѣ высоко»; «Пышно льется свѣтлый Терекъ»; «Черкесскій романсъ»; «Ночь на Кубани»; «Черная Коса»; «Мертвая Голова»; «Гаремъ»; «Табакъ»; «Тарки»; «Цыганка»; «Раскаяніе»; «Лунный свѣтъ» (изъ В. Гюго); «Ахалукъ»; «Призваніе»; «Окно»; «Отрывокъ изъ Посланія къ А. П. Л—му»; «Черные глаза»; «Божій Судъ»; «Негодованіе»; «Грѣшница»; «Грусть», «Долго ль будетъ вамъ безъ умолку идти», «Прощаніе»; «Узникъ»; «Баю-баюшки-баю». Сверхъ того, въ одномъ московскомъ журналѣ, чуть ли не въ «Галатеѣ» 1830 года, былъ напечатанъ замѣчательный по своему поэтическому достоинству отрывокъ изъ какого-то большаго стихотворенія Полежаева; мы не помнимъ его названія, но помнимъ стихи, которыми онъ начинается:

. . . . . . И я въ тюрьмѣ...
Передо мной едва горитъ
Фитиль въ разбитомъ черепкѣ,
Съ ружьемъ въ ослабленной рукѣ,
У двери дремлетъ часовой...

Вотъ все, что можетъ и должно войдти въ порядочное изданіе стихотвореній Полежаева (*).

(*) Вполнѣ раздѣляя мнѣніе автора этой статьи, мы замѣнили только длинныя водянистыя медитаціи Ламартина и Делавиня, а равно

Отличительную черту характера и особенности поэзіи Полежаева составляетъ необыкновенная сила чувства, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его натуры и духа, и необыкновенная сила сжатаго выраженія, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его таланта. Правда, одна сила еще не все составляетъ: важны подвиги, въ которыхъ бы она проявилась; Раппо одаренъ чрезвычайною силою, но играть чугунными шарами, какъ мячиками, еще не значитъ быть героемъ. Такъ; но вѣдь все же не Раппо ходитъ смотрѣть на людей и дивиться имъ, а толпы людей ходятъ смотрѣть на его и дивиться ему. И въ сферѣ своихъ подвиговъ не выше ли онъ тѣхъ людей, которые почитаютъ себя силачами, и кряхтя подъ тяжестію не по силамъ, надрываясь отъ натуги, думаютъ удивлять людей силою!... Мы не видимъ въ Полежаевѣ великаго поэта, котораго творенія должны перейдти въ потомство; мы безпристрастно высказали, что онъ погубилъ себя и свой талантъ избыткомъ силы, неуправляемой браздами разума; но въ то же время, мы хотѣли показать, что Полежаевъ и въ паденіи замѣчательнѣе тысячи людей, которые никогда не спотыкались и не падали, выше многихъ поэтовъ, которые превознесены ослѣпленіемъ толпы, и что его паденіе и поэзія глубоко поучительны; мы хотѣли показать, что источникъ всякой поэзіи есть жизнь, что судьба всякаго могучаго таланта — быть представителемъ извѣстнаго момента общественнаго развитія, и что, наконецъ, могутъ падать только сильные, замѣчательные таланты... При другихъ условіяхъ, поэзія Полежаева могла бы

и Оскара Альвскаго — весьма плохаго даже и въ переводномъ отношеніи (онъ переведенъ съ французскаго) — нѣсколько лучшими переводами изъ Легуве. Для желающихъ же удостовѣриться, дѣйствительно ли пьесы, не вошедшія въ наше изданіе, такъ плохи, что заслуживаютъ названіе хлама — прилагаемъ въ концѣ полный списокъ ихъ съ обозначеніемъ, гдѣ онѣ напечатаны.

развиться, разцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ и дать плодъ сторицею: возможность этого видна и въ томъ, что̀ имъ написано при ложномъ его направленіи, при неестественномъ развитіи. Мы необинуясь скажемъ, что изъ всѣхъ поэтовъ, явившихся въ первое время Пушкина, исключая геніяльнаго Грибоѣдова, который образуетъ въ нашей литературѣ особую школу, — несравненно выше всѣхъ другихъ и достойнѣе вниманія и памяти — Полежаевъ и Веневитиновъ... Къ буйной и страдающей музѣ Полежаева можно примѣнить эти стихи Пушкина:

И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ...

Комета — явленіе безобразное, если хотите, но ея страшная красота для каждаго интереснѣе мгновеннаго блеска падучей звѣзды, случайно возникающей и безъ слѣда исчезающей на горизонтѣ ночнаго неба...

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. ПОЛЕЖАЕВА.

ДРУГУ МОЕМУ А. П. Л . . . У.

Безцѣнный другъ счастливыхъ дней,
Вина святаго упованья
Души измученной моей
Подъ игомъ грусти и страданья,—
Мой вѣрный другъ, мой нѣжный братъ
По силѣ тайнаго влеченья,
Кого со мной не разлучатъ
Временъ и мѣстъ сопротивленья,—
Кто для меня и былъ и есть
Одинъ и все, — кому до гроба
Не очернятъ меня ни лесть,
Ни зависть черная, ни злоба,—
Кто овладѣлъ, какъ чародѣй,
Моимъ умомъ, моею думой,—
Кѣмъ снова ожилъ для людей
Страдалецъ мрачный и угрюмой,—
Безцѣнный другъ, прими плоды
Моихъ задумчивыхъ мечтаній,
Минутной рѣзвости слѣды
И цѣпь печальныхъ вспоминаній!

Ты не найдешь въ моихъ стихахъ
Веселыхъ звуковъ пѣснопѣнья:
Они родятся на устахъ
Пѣвцовъ любви и наслажденья...
Уже давно чуждаюсь я
Ихъ благодатнаго привѣта,
Давно въ стихіи шумной свѣта
Не вижу радостнаго дня;
Пою, разсѣянный, унылой,
Въ степяхъ далекой стороны,
И пробуждаю надъ могилой
Давно утраченные сны.
Одну тоску о невозвратномъ,
Гонимый лютою судьбой,
Въ движеньи грустномъ и пріятномъ,
Я изливаю предъ тобой!
Но ты, понявши тайну друга,
Оцѣнишь сердце выше словъ
И не смѣнишь моихъ стиховъ
Стихами рѣзвыми досуга
Другихъ, счастливѣйшихъ пѣвцовъ.

Крѣпость Грозная,
7 февраля 1832 г.

ГРѢШНИЦА.

И говорятъ ему: «Она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону, мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое.»
И на лукавое воззванье,
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто — грустенъ и унылъ —
Перстомъ божественнымъ чертилъ,
И наконецъ сказалъ народу:
«Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?» —
И вновь писалъ Онъ на землѣ...
Тогда, съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья —

И предъ лицомъ его одна
Стояла грѣшная жена.
И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: «Покинь твою боязнь.
Гдѣ твой синедріонъ упорной?
Кто осудилъ тебя на казнь?»
Она въ отвѣтъ: —Никто, Учитель!—
«И такъ и я твоей души
Не осужу», сказалъ Спаситель: —
«Иди въ свой домъ, и не грѣши.»

МОРЕ.

Я видѣлъ море — я измѣрилъ
Очами жадными его;
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его повѣрилъ.
«О море, море! — я мечталъ
Въ раздумьи грустномъ и глубокомъ, —
Кто первый мыслилъ и стоялъ
На берегу твоемъ высокомъ?
Кто, неразгаданный въ вѣкахъ,
Замѣтилъ первый блескъ лазури,
Войну громовъ и ярость бури
Въ твоихъ младенческихъ волнахъ?
Куда исчезли другъ за другомъ
Твоихъ владѣльцевъ племена,
О коихъ вѣсть намъ предана
Однимъ злопамятнымъ досугомъ?
. . . .
. . . .
Всегда ли, море, ты почило
Въ скалахъ, висящихъ надо мной?

Или невѣдомая сила,
Враждуя съ мирной тишиной,
Не разъ твой образъ измѣнила?
Чтò ты? откуда? изъ чего?
Игра случайная природы,
Или орудіе свободы,
Воззвавшей все изъ ничего?
Надолго ль влажная порфира
Твоей безстрастной красоты
Осуждена блистать для міра
Изъ нѣдръ бездонной пустоты?...»

Вотъ тайный плодъ воображенья
Души волнуемой тоской,
За мигъ невольный восхищенья
Передъ пучиною морской!...
Я вопрошалъ ее... Но море,
Подъ знойнымъ солнечнымъ лучомъ,
Сребрясь въ узорчатомъ уборѣ,
Межь тѣмъ лелѣялось кругомъ
Въ своемъ покоѣ роковомъ.
Черезъ разсыпанныя волны
Катились груды новыхъ волнъ,
И между нихъ, отваги полный,
Нырялъ предъ бурей утлый челнъ...
Счастливецъ, знаешь ли ты цѣну
Смѣшнаго счастья твоего?
Смотри на челнъ — ужь нѣтъ его:
Въ отвагѣ онъ нашелъ измѣну!

Въ другое время, на брегахъ
Балтійскихъ водъ, въ моей отчизнѣ,

Красуясь цвѣтомъ юной жизни,
Стоялъ я нѣкогда въ мечтахъ;
Но тѣ мечты мнѣ сладки были:
Онѣ привѣтно сквозь туманъ,
Какъ за волной волну, манили
Меня въ житейскій океанъ.
И я поплылъ... О море, море!
Когда увижу берегъ твой?
Или, какъ челнъ залетный, вскорѣ
Сокроюсь въ безднѣ гробовой?...

ВАЛТАСАРЪ.

Царь на тронѣ сидитъ;
Передъ нимъ и за нимъ
Съ раболѣпствомъ нѣмымъ
Рядъ сатраповъ стоитъ.
Драгоцѣнный чертогъ
И блеститъ и горитъ,
И земной полубогъ
Пиръ устроить велитъ.
Золотая волна
Дорогаго вина
Нѣжитъ чувства и кровь;
Звуки лиръ, юныхъ дѣвъ
Сладострастный напѣвъ
Возжигаютъ любовь.
Упоенъ, восхищенъ,
Царь на тронѣ сидитъ,—
И торжественный тронъ
И блеститъ и горитъ...

Вдругъ невѣдомый страхъ
У царя на челѣ,
И унынье въ очахъ,
Обращенныхъ къ стѣнѣ.
Умолкаетъ звукъ лиръ
И веселыхъ рѣчей,
И разстроенный пиръ
Видитъ — ужасъ очей! —
Огневая рука
Исполинскимъ перстомъ,
На стѣнѣ предъ царемъ,
Начертала слова.

И никто изъ мужей,
И царевыхъ гостей,
И искусныхъ волхвовъ
Силы огненныхъ словъ
Изъяснить не возмогъ.
И земной полубогъ
Омрачился тоской...
И Еврей молодой
Къ Валтасару предсталъ
И елова прочиталъ:
«*Мани, ѳекелъ, фаресъ,*
Вотъ слова на стѣнѣ;
Волю Бога небесъ
Возвѣщаютъ онѣ.
Мани значитъ: монархъ,
Кончилъ царствовать ты!
Градъ у Персовъ въ рукахъ —
Смыслъ середней черты;

Фаресъ—третье—гласитъ:
Нынѣ будешь убитъ!»

Рекъ—исчезъ... Изумленъ,
Царь не вѣритъ мечтѣ;
Но чертогъ окруженъ
И... онъ мертвъ на щитѣ.

МОРНИ И ТѢНЬ КОРМАЛА.

(Изъ Оссіана.)

МОРНИ.

Владыко щитовъ,
Мечей сокрушитель
И сильныхъ громовъ
И бурь повелитель!
Война и пожаръ
Въ Арвенѣ пылаютъ,
Арвену Дунскаръ
И смерть угрожаютъ.
Реки мнѣ, о тѣнь
Обители хладной!
Падетъ ли въ сей день
Дунскаръ кровожадной?
Твой сынъ тебя ждетъ,
Надеждою полный.
И море реветъ
И пѣнятся волны,

Испуганный вранъ
Летитъ изъ стремнины,
Простерся туманъ
На лѣсъ и долины,
Эѳиръ задрожалъ,
Спираются тучи . . .
Не ты ли, Кормалъ,
Несешься, могучій?

ТѢНЬ.

Чей гласъ роковой
Тревожить дерзаетъ
Мой хладный покой?

МОРНИ.

Твой сынъ вопрошаетъ,
Царь молній, тебя!
Неистовый воинъ
Напалъ на меня —
Онъ казни достоинъ.

ТѢНЬ.

Ты просишь . . .

МОРНИ.

Меча!
Меча твоей длани,
Отъ молній луча!
Какъ бурю во брани,
Узришь меня съ нимъ:
Онъ страшно заблещетъ

На пагубу злымъ;
Сынъ горъ затрепещетъ,
Сраженный, падетъ—
И Морни воздвигнетъ
Трофеи побѣдъ...

ТѢНЬ.

Прими—да погибнетъ!...

БОЖІЙ СУДЪ.

Есть духи зла — неистовыя чада
Благословеннаго Творца;
Удѣлъ ихъ—грусть, отчаянье—отрада,
А жизнь—мученье безъ конца.

Въ великій часъ рожденія вселенной,
Когда извлекъ Всевышній перстъ
Изъ тьмы вѣковъ, эѳиръ одушевленной
Для хора солнцевъ, лунъ и звѣздъ, —

Когда Творецъ торжественное слово,
Въ премудрой благости, изрекъ:
«Да будетъ прахъ величія основой!»
И всталъ изъ праха человѣкъ, —

Тогда, предъ нимъ свѣтлы, необозримы
Разстлались гордо небеса,
И юный міръ, какъ сынъ его любимый,
Былъ весь — волшебная краса.

И ярче звѣздъ и солнца золотаго,
Какъ іорданскія струи,
Вокругъ его — Властителя Святаго —
Вились архангеловъ рои;

И пышный сонмъ небесныхъ легіоновъ
Былъ ясенъ, святъ передъ Творцомъ,
И на скрижаль божественныхъ законовъ
Взиралъ съ потупленнымъ челомъ.

Но чистый огнь невинности покорной
Въ сынахъ безсмертія потухъ —
И грозно палъ, съ гордынею упорной,
Высокій умъ, высокій духъ.

Свершился судъ! . . . Могучая десница
Подъяла молніи и громъ —
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содомъ! . . .

Съ тѣхъ поръ, враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ —
И мучитъ ихъ, и жжетъ безъ состраданья
Печать проклятья на челѣ.

Напрасно ждутъ, преступные, свободы:
Они противны небесамъ —
Не долетитъ въ объятія природы
Ихъ недостойный ѳиміамъ!

ПОГРЕБЕНІЕ.

Я видѣлъ смерти лютый пиръ —
Обрядъ унылый погребенья:
Младая дѣва вѣчный миръ
Вкусила въ мглѣ уничтоженья.
Не длинный рядъ экипажей,
Не черный флеръ и не кадилы,
Не сонмъ придворныхъ и пажей
За ней тѣснились до могилы, —
Ахъ, нѣтъ! простой досчатый гробъ
Несли чредой ея подруги,
И безъ затѣйливой прислуги
Шелъ впереди приходскій попъ.
Семейный кругъ и, въ день печали,
Убитый горестью женихъ,
Среди ровесницъ молодыхъ
Съ слезами гробъ сопровождали.
И вотъ уже духовный врачъ
Отпѣлъ послѣднюю молитву,
И вотъ сильнѣе вопль и плачъ...
И смерть окончила ловитву!

Звучитъ протяжно звонкій гвоздь,
Сомкнулась смертная гробница —
И предалась, какъ новый гость,
Землѣ безчувственной дѣвица.
Я видѣлъ все, въ нѣмой тиши
Стоялъ у пагубнаго мѣста,
И въ глубинѣ моей души
Сказалъ: прости, прости, невѣста!
Невольно мною овладѣлъ
Какой-то трепетъ чудной силой,
И я съ таинственной могилой
Разстаться долго не хотѣлъ.
Мнѣ приходили въ это время
На мысль невинныя мечты,
И грусти сладостное бремя
Принесъ я въ память красоты
Я зналъ ее—она, играя,
Цвѣтокъ недавно мнѣ дала,
И вдругъ, блѣднѣя, увядая,
Какъ цвѣтъ даренный, отцвѣла.

ПѢСНЬ ПЛѢННАГО ИРОКЕЗЦА.

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они,
Для забавы дѣтей,
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои!
Обругаютъ, убьютъ
И мой трупъ разорвутъ!

Но стерплю, не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!
И, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ,
Встрѣчу мигъ роковой,
И, какъ воинъ и мужъ,
Перейду въ страну душъ.

Передъ сонмомъ тѣней воспою
Я безсмертную гибель мою!
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ,
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ,
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ.

И рекутъ они въ голосъ одинъ:
«Ты—достойный праправдѣдовъ сынъ!»
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родныхъ разольемъ
Пылъ вражды боевой;
Побѣдимъ, поразимъ
И врагамъ отомстимъ!

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я, недвижимъ и смѣлъ,
Встрѣчу мигъ роковой!

Подъ тѣнью дуба вѣковаго,
Въ скалѣ пустынной и крутой
Сидитъ врагъ путника ночнаго —
Черкесъ красивый и младой.
Но онъ не замыселъ лукавой
Таитъ во мракѣ тишины,
Не дышетъ гибельною славой,
Не жаждетъ сѣчи и войны.
Томимый нѣгой сладострастной,
Черкесъ любви минуту ждетъ
И такъ, въ раздумьи о прекрасной,
Свою тоску передаетъ:

«Близка, близка пора свиданья!
Давно кипитъ и стынетъ кровь,
И проситъ вѣрная любовь
Награды сладкой за страданья.
Гдѣ ты? спѣши ко мнѣ, спѣши,
Джембе — душа моей души!

«Покойно все въ аулѣ сонномъ,
Оставь ревнивыхъ стариковъ!
Они узрѣть твоихъ слѣдовъ
Не могутъ въ мракѣ благосклонномъ.
Гдѣ ты? спѣши ко мнѣ, спѣши,
Джембе — душа моей души!

«Звѣзда любви роднаго края,
Ты цѣлый міръ въ моихъ очахъ!
Въ твоей груди, въ твоихъ устахъ
Заключена вся прелесть рая!
Взошла луна — спѣши, спѣши,
О дѣва — жизнь моей души!»

И вдругъ, какъ вѣтеръ тиховѣйной,
Она явилась передъ нимъ —
И обняла рукой лилейной
Съ восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
И лобызаетъ съ нѣгой томной
И шепчетъ: «милый, я твоя!»
И вздохъ невольный и нескромной
Волнуетъ сильно грудь ея...
Она его!... Но что̀ мелькнуло
Въ сѣдой ущелинѣ скалы?
Что̀ зазвенѣло и сверкнуло
Среди густой, полночной мглы?
Кто блещетъ шашкой обнаженной,
Внезапно съ юношей сразясь?
Чей слышенъ голосъ разъяренной:
«Умри, съ злодѣйкой не простясь?»
Ея отецъ... Отрады ночи
Старикъ безсонный не вкусилъ;

Онъ подозрительныя очи
Съ преступной дѣвы не сводилъ;
Онъ замѣчалъ ея движенья,
Ея таинственный побѣгъ,
И въ первый пылъ ожесточенья
Дни обольстителя пресѣкъ...
Но гдѣ она? Какую долю
Ей злобный рокъ опредѣлилъ?
Ужель на вѣчную неволю
Отецъ жестокій осудилъ,
И изнывая въ заточеньи
Добычей гнѣва и стыда,
Погибнетъ въ жалкомъ погребеньи
Любви виновной красота?
Что̀ съ ней?... Увы! вотъ дикій камень
Стоитъ надъ гробомъ у скалы:
Тутъ свѣтлыхъ дней несчастный пламень
Давно погасъ для вѣчной тьмы!
Въ тотъ самый мигъ, какъ другъ прекрасный
Въ крови къ ногамъ ея упалъ,
Послѣдній вздохъ, прощальный, страстный,
Стѣснилъ въ груди ея кинжалъ...

ОСУЖДЕННЫЙ.

Я осужденъ къ позорной казни —
Меня законъ приговорилъ;
Но я печальный мракъ могилъ
На плахѣ встрѣчу безъ боязни,
Окончу дни мои, какъ жилъ.

Къ чему раскаянье и слезы
Передъ безчувственной толпой,
Когда назначено судьбой
Мнѣ слышать вопли и угрозы
И гулъ проклятій за собой?

Давно душой моей мятежной
Какой-то демонъ овладѣлъ,
И я зловѣщій мой удѣлъ,
Неотразимый, неизбѣжной,
Въ дали туманной усмотрѣлъ:

Не розы свѣтлаго Паѳоса,
Не ласки гурій въ тишинѣ,
Не искры яхонта въ винѣ,
Но смерть, сѣкира и колеса
Всегда мнѣ грезились во снѣ.

Меня постигла дума эта
И ознакомилась со мной,
Какъ холодъ съ южною весной,
Или—фантазія поэта
Съ унылой сѣверной луной.

Мои утраченные годы
Текли какъ бурные ручьи,
Которыхъ мутныя струи
Не серебрятъ, а пѣнятъ воды
На лонѣ илистой земли.

Они рвались, они бѣжали
Къ невѣрной цѣли безъ препонъ;
Но быстрый бѣгъ остановленъ,
И мнѣ размахъ холодной стали
Готовитъ праведный законъ.

Взойдетъ она, взойдетъ, какъ прежде,
Заутра ранняя звѣзда—
Проснется неба красота,
Но я и небу и надеждѣ
Скажу: простите навсегда!

Взгляну съ улыбкою печальной,
На этотъ міръ, на этотъ домъ,
Гдѣ я былъ съ счастьемъ незнакомъ,
Гдѣ я, какъ факелъ погребальной,
Горѣлъ въ безмолвіи ночномъ;

Гдѣ, можетъ-быть, суровой долѣ
Я чѣмъ-то свыше обреченъ,
Гдѣ я страстями заклейменъ,
Гдѣ чѣмъ-то свыше, поневолѣ,
Я былъ на время заключенъ;

Гдѣ я... Но что!... толпа народа
Уже кипитъ на площади,
Я слышу: «узникъ, выходи!»
Готовъ—иду!—Прости природа!
Палачъ, на казнь меня веди!

ТЕРЕКЪ.

Пышно льется свѣтлый Терекъ
Въ мирномъ лонѣ тишины;
Дѣвы юныя на берегъ
Вышли встрѣтить пиръ весны.

Вижу игры, слышу ропотъ
Сладкозвучныхъ голосовъ,
Слышу рѣзвый, легкій топотъ
Разноцвѣтныхъ башмачковъ.

Но мой взоръ не очарованъ,
И блеститъ не для побѣдъ —
Онъ тобой однимъ окованъ,
Алый шелковый бешметъ!

Образъ дѣвы недоступной,
Образъ строгой красоты,
Думой грустной и преступной
Отравилъ мои мечты.

Для чего у страсти пылкой,
Чародѣйной силы нѣтъ
Превратиться невидимкой
Въ алый шелковый бешметъ?

Для чего покровъ холодной,
А не чувство, не любовь,
Обнимаетъ, жметъ свободно
Гибкій станъ, живую кровь!...

ЧЕРНАЯ КОСА.

Тамъ, гдѣ свистящія картечи
Метала бранная гроза,
Лежитъ въ пыли, на полѣ сѣчи,
Въ три грани черная коса.
Она въ крови и безъ отвѣта,
Но тайный голосъ произнесъ:
«Булатъ, противникъ Магомета,
Меня съ главы дѣвичей снесъ!
Гордясь красой неприхотливой,
Въ родной свободной сторонѣ,
Чело невинности стыдливой
Владѣло мною въ въ тишинѣ.
Еще за часъ до грозной битвы
Съ врагомъ отечественныхъ горъ
Пылалъ въ жару святой молитвы
Звѣзды Чиръ-Юрта ясный взоръ.
Надежда храбрыхъ на Пророка

Отваги буйной не спасла,
И я во прахъ, велѣньемъ рока,
Скатилась съ юнаго чела.
Оставь меня!... Кого лелѣетъ
Украдкой нѣжная краса,
Тому на сердце грусть навѣетъ
Въ три грани черная коса»...

У меня ль молодца,
Ровно въ двадцать лѣтъ,
Со бѣла со лица
Спалъ румяный цвѣтъ,

Черный волосъ кольцомъ
Не бѣжитъ съ плеча,
На ремнѣ золотомъ
Нѣтъ грозы-меча,

За желѣзнымъ щитомъ
Нѣтъ копья-огня,
Подъ черкесскимъ сѣдломъ
Нѣтъ стрѣлы-коня,

Нѣтъ перстней дорогихъ
Подарить милой!
Безъ невѣсты женихъ,
Безъ попа налой...

Разступись, разступись,
Мать-сыра-земля!
Прекратись, прекратись,
Жизнь-тоска моя!

Лишь по ней, по милой,
Красенъ бѣлый свѣтъ;
Безъ милой, дорогой,
Счастья въ мірѣ нѣтъ!

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

(Изъ Виктора Гюго.)

Въ водахъ полусонныхъ играла луна;
Гаремъ освѣжило дыханье свободы.
На ясное небо, на свѣтлыя воды
Султанша въ раздумьѣ глядитъ изъ окна.
Внезапно гитара въ рукѣ замерла —
Какъ будто протяжный и жалобный ропотъ
Раздался надъ моремъ... Не конской ли топотъ?
Не шумъ ли глухой удалаго весла,
Не птица ли ночи широкимъ крыломъ
Разсѣкла зыбучей волны половину?
Не духъ ли лукавый морскую пучину
Тревожитъ, безсонный, въ покоѣ ночномъ?
Кто нагло смѣется надъ робостью женъ?
Кто море волнуетъ?... Не демонъ лукавой,
Не тяжкія весла ладьи величавой,
Не птица ночная!... Откуда же онъ,
Откуда протяжный и жалобный стонъ?...
Вотъ грозный мѣшокъ... голубая волна
Въ немъ члены живые и топитъ, и носитъ,
И будто пощады у варваровъ проситъ...
Въ водахъ полусонныхъ играла луна.

Долго ль будетъ вамъ безъ умолку идти,
Проливные, безотрадные дожди?
Долго ль будетъ вамъ увлаживать поля?
Осушится ль скоро мать-сыра-земля,
Тихій вѣтеръ свѣжій воздухъ растворитъ
И въ дубравѣ соловей заголоситъ;
И придетъ ко мнѣ, мила и хороша,
Юный другъ мой — красна-дѣвица-душа:

Соловей мой, соловей,
Ты отъ бури и дождей,
Ты отъ пасмурныхъ небесъ
Улетѣлъ въ дремучій лѣсъ!
Ты не свищешь, не поешь —
Солнца яснаго ты ждешь!
Дѣва, дѣвица моя,
Ты отъ бури и дождя,
И печальна и грустна,
Въ терему схоронена!
Къ другу милому нейдешь —
Солнца яснаго ты ждешь!

Перестаньте же безъ умолку идти,
Проливные, безотрадные дожди!
Дайте ведру, дайте солнцу проглянуть!
Пусть, какъ прежде, и прекрасна и пышна,
Воцарится благотворная весна,
Разольется въ звонкой пѣсни соловей —
И я снова, сладострастнѣй и звучнѣй,
Расцѣлую очи дѣвицы моей.

МЕРТВАЯ ГОЛОВА.

Изъ-за черныхъ облаковъ
Блещетъ мѣсяцъ въ вышинѣ,
Видны въ ставкѣ казаковъ
Десять копій при лунѣ.
Отчего жь она темна,
Чтȍ не свѣтится она,
Сталь десятаго копья?
Чтȍ за призракъ вижу я,
При обманчивой лунѣ,
На таинственномъ копьѣ?
О, не призракъ!—на яву
Вижу вражескій укоръ—
Безобразную главу
Сына брани, сына горъ.
Вѣчный сонъ ея удѣлъ
На отеческихъ поляхъ;
На убійственныхъ мечахъ
Онъ къ ней рано прилетѣлъ.
Пять ударовъ острія
Твердый черепъ разнесли,

Муку смерти затая,
Очи кровью затекли;
Силу дивную бойца
Злобный геній превозмогъ,
Трупъ холодный мертвеца
Въ землю съ честію не легъ.
И глава его темнитъ
Сталь десятаго копья,
И душа его паритъ
Къ новой сферѣ бытія...
. . . .
. . . .

УЗНИКЪ.

За рѣшеткою, въ четырехъ стѣнахъ
Думу мрачную и любимую
Вспомнилъ молодецъ, и въ такихъ словахъ
Выражалъ онъ грусть нестерпимую:

«Охъ ты, жизнь моя молодецкая!
Отъ меня ли, жизнь, убѣгаешь ты,
Какъ бѣжитъ волна москворѣцкая
Отъ широкихъ стѣнъ каменной Москвы!

«Для кого же, недоброхотная,
Противъ воли я часто ратовалъ,
Ночь, красавица беззаботная,
День обманчивый, я васъ радовалъ?

«Кто видалъ, когда на лихомъ конѣ
Проносился я степью знойною,—
Какъ сдружился я, при сѣдой лунѣ,
Съ смертью раннею, безпокойною?—

«Какъ таинственно заговаривалъ
Пулю вѣрную и метелицу,
И приласкивалъ и умаливалъ
Ненаглядную красну-дѣвицу?—

«Штофы, бархаты, ткани цвѣтныя
Саблей острою ей отмѣривалъ,
И заморскія вина свѣтлыя
Въ чашахъ недруговъ послѣ пѣнивалъ?

«Знали всѣ меня: знали старъ и младъ,
И широкій долъ, и дремучій лѣсъ;
А теперь на мнѣ кандалы гремятъ,
Вмѣсто пѣсенъ я слышу звукъ желѣзъ.

«Воля-волюшка драгоцѣнная!
Появись ты мнѣ несчастливому,
Благотворная, обновленная —
Не отдай судьѣ справедливому!...»

Такъ онъ, молодецъ, въ четырехъ стѣнахъ,
Стражѣ передалъ мысль любимую;
Излилась она, замерла въ устахъ,
И кто понялъ грусть нестерпимую?...

ПРИЗВАНІЕ.

Въ душѣ горитъ огонь любви—
Я жажду наслажденья.
О, милый мой, лови, лови
Минуту заблужденья!
Явись ко мнѣ—явись, какъ духъ
Нежданный, безпощадной,
Пока томится, ноетъ духъ
Въ надеждѣ безотрадной,—
Пока играетъ на челѣ
Румянецъ прихотливой,
И вижу я въ туманной мглѣ
Звѣзду любви счастливой!
Я жду тебя—я вся твоя;
Покрой меня лобзаньемъ,
И полно жить—и тихо я
Сольюсь съ твоимъ дыханьемъ!
Въ душѣ горитъ огонь любви—
Я жажду наслажденья;
О, милый мой, лови, лови
Минуту заблужденья!

Тамъ, на небѣ высоко,
Свѣтитъ солнце безъ лучей,
Такъ отъ друга далеко,
Гаснетъ свѣтъ моихъ очей!...
У косящата окна
Раскрасавица сидитъ;
Призадумавшись, она
Буйну вѣтру говоритъ:
«Не шуми ты, не шуми,
Буйный вѣтеръ, подъ окномъ;
Не буди ты, не буди
Грусти въ сердцѣ ретивомъ;
Не тверди мнѣ, не тверди
Объ измѣнникѣ моемъ!
Измѣнилъ мнѣ, измѣнилъ,
Мой губитель роковой;
Насмѣялся, пошутилъ
Надъ моею простотой,
Надъ дѣвичьей красотой!
Я погибла бы, душа,
Красна-дѣвка, отъ ножа;
Я погибла бъ отъ руки,

А не съ горя и тоски.
Ты убей меня, убей,
Ненавистный мой злодѣй!
Я сказала бы ему,
Милу другу своему:
«Не жалѣю я себя,
Ненавижу я тебя —
Лей и пей ты мою кровь,
Утуши мою любовь!...»
Не шуми жь ты, не шуми,
Буйный вѣтеръ надо мной!
Полети ты, полети
Вдоль дороги столбовой;
По дорогѣ столбовой
Скачетъ воинъ молодой —
Налети ты на него,
На тирана моего;
Просвищи, какъ жалкій стонъ,
Прошепчи ему поклонъ
Отъ высокихъ отъ грудей,
Отъ заплаканныхъ очей, —
Чтобъ онъ помнилъ обо мнѣ
Въ чужедальней сторонѣ;—
Чтобы, съ лютою тоской
Вспоминая, воздохнулъ
И, съ горючею слезой,
На кольцо мое взглянулъ, —
Чтобъ глядѣлъ онъ на кольцо,
Какъ на друга прежнихъ дней,
Какъ на бѣлое лицо
Бѣдной дѣвицы своей!...»

ЦЫГАНКА.

Кто идетъ передъ толпою
По широкой площади
Съ загорѣлой красотою
На щекахъ и на груди?
Подъ разодраннымъ покровомъ,
Проницательна, черна —
Кто въ величіи суровомъ
Эта дивная жена? —
Вьются локоны небрежно
По нагимъ ея плечамъ,
Искры наглости мятежно
Разбѣжались по очамъ, —
И страшнѣй ударовъ сѣчи,
Какъ гремучая рѣка,
Льются сладостныя рѣчи
У безстыдной съ языка? —
Узнаю тебя, вакханка
Незабвенной старины:
Ты — коварная цыганка,

Дочь свободы и весны!
Подъ узлами бѣдной шали
Ты не скроешь отъ меня
Ненавистницу печали,
Друга радостнаго дня!
Ты знакома вдохновенью
Поэтической мечты,
Ты дарила наслажденью
Африканскіе цвѣты!
Ахъ, я помню... Но ужасно
Вспоминать лукавый сонъ:
Фараонка, не напрасно
Тяготитъ мнѣ душу онъ!
Пронеслась съ годами сила,
Я увялъ, и на яву
Мнѣ рука твоя вручила
Приворотную траву!

ЛЮБОВЬ.

Свершилось Лилетѣ
Четырнадцать лѣтъ —
Милѣе на свѣтѣ
Красавицы нѣтъ.
Улыбкою — радость
И счастье даритъ;
Но счастія сладость
Лилеты бѣжитъ.
Не лестны унылой
Толпы жениховъ,
Не радостны милой
Веселья пировъ:
Въ кругу ли бываетъ
Подругъ молодыхъ —
И томность сіяетъ
Въ очахъ голубыхъ;
Одна ли въ пріятномъ
Забвеньи она —
Вездѣ непонятнымъ

Желаньемъ полна.
Въ природѣ прекрасной
Чего-то ей нѣтъ;
Какой-то неясный
Ей мнится предметъ.
Невольная скука
Дѣвицу крушитъ
И тайная мука
Волнуетъ, томитъ.
Ахъ, юныя лѣта!
Ахъ, пылкая кровь!
Лилета, Лилета,
Вѣдь это — любовь!

ОКНО.

Тамъ, надъ быстрою рѣкой,
Есть волшебное окно,
Бѣлоснѣжною рукой
Открывается оно.
Груди полныя дрожатъ
Изъ-подъ тѣни полотна,
Очи свѣтлыя блестятъ
Изъ волшебнаго окна.

. . . .
. . . .

И склонясь на локотокъ,
Подъ весенній вечерокъ,
Миловидна, хороша,
Смотритъ дѣвица-душа.
Улыбнется—и природа расцвѣтетъ,
И пріятнѣй соловей въ саду поетъ,
И надъ ручкою лилейной
Вьется вѣтеръ тиховѣйной,
И порхаетъ,
И летаетъ

Съ сладострастною мечтой
Надъ дѣвицей молодой
Но лишь только опускаетъ раскрасавица окно —
Все надъ Терекомъ суровымъ и мертво и холодно.
Улыбнись, душа-дѣвица,
Улыбнись, моя любовь,
И вечерняя зарница
Освѣтитъ природу вновь!
Нѣтъ! жестокая не слышитъ
Робкой жалобы моей,
И въ груди ея не пышетъ
Пламень нѣги и страстей.
Будетъ время, равнодушная краса,
Разнесется отъ печали свѣтлорусая коса!
Сердце пылкое, живое,
Загруститъ во тьмѣ ночной,
И страданіе чужое
Ознакомится съ тобой, —
И откроешь ты ревниво
Потаенное окно,
Но любви нетерпѣливой
Не дождется ужь оно.

БАЮ-БАЮШКИ-БАЮ.

Въ темной горницѣ постель,
Надъ постелью колыбель —
Въ колыбели, съ полуночи,
Бьется, плачетъ что̀ есть мочи,
Безпокойное дитя.
Вотъ, лампаду засвѣтя,
Чернобровка молодая
Суетится, припадая
Бѣлой грудью къ крикуну,
И лелѣетъ, и ко сну
Избалованнаго клонитъ,
И поетъ, и тихо стонетъ
На чувствительный распѣвъ
Девяностолѣтнихъ дѣвъ:

«Да усни же ты, усни,
Мой хорошій молодецъ!
Угомонъ тебя возьми,

О, постылый сорванецъ!
Баю-баюшки-баю!

«Ужь и есть ли гдѣ такой
Сизокрылый голубокъ,
Ненаглядный, дорогой,
Какъ мой миленькій сынокъ?
Баю-баюшки-баю!

«Во зеленомъ во саду
Красно вишенье растетъ;
По широкому пруду
Бѣлый селезень плыветъ...
Баю-баюшки-баю!

«Словно вишенье румянъ,
Словно селезень онъ бѣлъ —
Да усни же ты, буянъ!
Не кричи же ты, пострѣлъ!...
Баю-баюшки-баю!

«Я на золотѣ кормить
Буду сына моего,
Я достану, такъ и быть,
Царь-дѣвицу для него...
Баю-баюшки-баю!

«Будетъ важный человѣкъ,
Будетъ сынъ мой генералъ...
Ну, заснулъ... хоть бы на вѣкъ,
Побери его провалъ!»

Свѣтъ потухъ надъ генераломъ,
Чернобровка покрываломъ
Обернула колыбель,
И ложится на постель...
Въ темной горницѣ молчанье;
Только тихое лобзанье
И неясныя слова
Были слышны раза два...
Послѣ, тѣнью боязливой
Кто-то, чудилося мнѣ,
Осторожно и счастливо,
При мерцающей лунѣ,
Пробирался по стѣнѣ...

НАДЕНЬКѢ.

Смѣйся, Наденька, шути,
Пей изъ чаши золотой
Счастье жизни молодой,
Милый ангелъ во плоти!

Быстро волны ручейка
Мчатъ оторванный цвѣтокъ;
Видитъ рѣзвый мотылекъ —
Листикъ алаго цвѣтка
Вьется въ воздухѣ, летитъ,
Ближе... вотъ къ нему прильнулъ...
Вѣтеръ волны колыхнулъ —
И цвѣтокъ на днѣ лежитъ...
Гдѣ же, гдѣ же, мотылекъ,
Роза нѣжная твоя?
Ахъ, не можетъ для тебя
Возвратить ее потокъ!...

Смѣйся, Наденька, шути!
Пей изъ чаши золотой
Счастье жизни молодой,
Милый ангелъ во плоти!

Было время, какъ и ты,
Я глядѣлъ на Божій свѣтъ;
Но прошли пятнадцать лѣтъ,
И разсѣялись мечты.
Хладной, бурною рѣкой
Рой обмановъ пролетѣлъ,
И мой духъ окаменѣлъ
Подъ свинцовою тоской!
Гдѣ ты, радость? гдѣ ты, кровь, —
Гдѣ огонь бывалыхъ дней?
Ахъ, изъ памяти моей
Истребила ихъ любовь!

Смѣйся, Наденька, шути!
Пей изъ чаши золотой
Счастье жизни молодой,
Милый ангелъ во плоти!

Будетъ время, какъ и я,
Ты о прежнемъ воздохнешь
И печально вспомянешь:
Гдѣ ты молодость моя?
Молчалива и одна,
Будешь сердце повѣрять,
И, унынія полна,
Втайнѣ слезы проливать.

Потемнѣютъ небеса
Въ ясный полдень для тебя,
Не узнаешь ты себя —
Пролетитъ твоя краса...

Смѣйся жь, смѣйся, и шути!
Пей изъ чаши золотой
Счастье жизни молодой,
Милый ангелъ во плоти!

АХАЛУКЪ.

Ахалукъ мой, ахалукъ,
Ахалукъ демикотонный,
Ты—работа нѣжныхъ рукъ
Азіятки благосклонной!
Ты родился подъ иглой
Отагинки чернобровой,
Послѣ робости суровой
И любви во тьмѣ ночной.
Ты не пышной пестротою—
Цвѣтомъ гордыхъ узденей,
Но смиренной простотою—
Цвѣтомъ сѣверныхъ ночей,
Милъ для сердца и очей...
Черенъ ты, какъ локонъ длинный
У цыганки кочевой;
Мраченъ ты, какъ духъ пустынный,
Сторожъ урны гробовой;
И серебряной тесьмою,
Какъ волнистою струею

Дагестанскаго ручья,
Обвились твои края.
Никогда игра алмаза
У Могола на чалмѣ,
Никогда луна во тьмѣ,
Ни чело твое, о База—
Это блѣдное чело,
Это чистое стекло,
Споря въ живости съ опаломъ,
Подъ ревнивымъ покрываломъ,—
Не сіяли такъ свѣтло.
Ахъ, серебряная змѣйка,
Ненаглядная струя—
Это ты, моя злодѣйка;
Ахалукъ суровый—я!

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Чудесный видъ, волшебная краса!
Бѣлы, какъ день, земля и небеса!
Вдали, кругомъ холодная, нѣмая —
Вездѣ одна равнина снѣговая;
Вездѣ одинъ безбрежный океанъ —
Окованный зимою великанъ!
Все ночь и блескъ! Ни облака, ни тучи
Не пронесетъ по небу вѣтръ летучій,
Не потемнитъ воздушнаго стекла.
Природа спитъ, уныла и свѣтла.
Чудесный видъ! волшебная краса!
Бѣлы, какъ день, земля и небеса!

ГАРЕМЪ.

Кто любитъ нѣгу чувствъ, блаженство сладострастья,
И не паритъ въ края азійскіе душой?
Кто, пылкій юноша, который въ морѣ счастья
Не жаждетъ вѣкъ утратить молодой?
Пусть онъ летитъ туда, чалмою крестъ обмѣнитъ
И населитъ красой блестящей свой гаремъ!
Тамъ жизни радость онъ познаетъ и оцѣнитъ,
И снова обрѣтетъ потерянный эдемъ!...
Тамъ пиръ для чувствъ и ока!
Красавицы Востока,
Одна другой милѣй,
Одна другой рѣзвѣй,
Послушныя рабыни,
Умрутъ съ нимъ каждый мигъ!
Съ душой полубогини,
Въ восторгахъ огневыхъ,
Душа его сольется,
Заснетъ — и вновь проснется,
Чтобъ снова утонуть

Въ пучинѣ наслажденья!
Тамъ пламенная грудь
Манитъ воображенье;
Тамъ бѣлая рука
Влечетъ его слегка
И страстно обнимаетъ;
Одна его лобзаетъ,
Одна ему поетъ,
Горитъ и изныIваетъ...
. . . .
Прелестныя подруги,
Воздушны какъ зефиръ,
Порхаютъ, стелютъ круги,
То вьются, то летятъ,
То быстро станутъ въ рядъ.
Межь тѣмъ въ дыму кальяна,
На бархатѣ дивана,
Влюбленный сибаритъ
Роскошно возлежитъ
И, взоромъ пожирая
Движенья гурій рая,
Трепещетъ и кипитъ,
И къ дѣвѣ сладострастья
Залогъ желанный счастья —
Платокъ его летитъ...
. . . .
Но гдѣ гаремъ, но гдѣ она,
Моя прекрасная рабыня?
Кто эта юная богиня,
Полунагая какъ весна,
Свѣжа, плѣнительна, статна,
Рѣзвится въ банѣ ароматной?

На чьи небесныя красы
Съ досадной ревностью власы
Волною падаютъ пріятной?

. . . .

Кого усердная толпа
Рабынь услужливыхъ лелѣетъ?
Чья кровь горячая замлѣетъ
Въ объятьяхъ дѣвы огневой?
Кто сей счастливецъ молодой?...
Ахъ, гдѣ я? что̀ со мною стало?
Она надѣла покрывало,
Ее ведутъ—она идетъ:
Ее любовь на ложѣ ждетъ...

. . . .

Такъ жрецъ любви, игра страстей опасныхъ,
Пѣлъ наслажденья чуждыхъ странъ,
И оживлялъ въ мечтаньяхъ сладострастныхъ
Чувствъ очарованныхъ обманъ.
Онъ пѣлъ—души его кумиры
Носились тайно вкругъ него,
И въ этотъ мигъ на всѣ порфиры
Не промѣнялъ бы онъ гарема своего!

ЭНДИМІОНЪ.

Ты спалъ, о юноша, ты спалъ,
Когда она, богиня скалъ,
Лѣсовъ и нѣги молчаливой,
Томясь любовью боязливой,
Къ тебѣ, прекрасна и свѣтла,
Съ Олимпа скучнаго сошла, —
Когда одна, никѣмъ незрима,
Тиха, безмолвна, недвижима,
Она стояла предъ тобой,
Какъ цвѣтъ надъ урной гробовой, —
Когда, безъ тайнаго укора,
Она внимательнаго взора
Съ тебя, какъ съ чистаго стекла,
Свести, красавецъ, не могла —
И сладость робкихъ ожиданій,
И пламень дѣвственныхъ желаній,
Дышали жизнью бытія
Въ груди трепещущей ея!
Ты спалъ, но страстное лобзанье

Прервало сна очарованье;
Ты очи черныя открылъ,
И юный, смѣлый, полный силъ,
Подъ тѣнью миртоваго лѣса,
Предъ юной дщерію Зевеса
Склонилъ колѣно и чело...
Счастливый юноша, свѣтло!
Рѣдѣетъ ночь, алѣетъ небо;
Смотри: предшественница Ѳеба
Открыла розовымъ перстомъ
Врата на сводѣ голубомъ!
Смотри... Но блѣдная Діана,
Въ прозрачномъ облакѣ тумана,
Безъ лучезарнаго вѣнца,
Уже спѣшитъ въ чертогъ отца,
И снова ждетъ, въ тоскѣ ревнивой,
Покрова ночи молчаливой!

ТАРКИ.

Я былъ въ горахъ —
Какая радость!
Я былъ въ Таркахъ —
Какая гадость!
Скажу не въ смѣхъ:
Аулъ Шамхала
Похожъ не мало
На русскій хлѣвъ.
Большой и длинной,
Обмазанъ глиной,
Нечистъ внутри,
Нечистъ снаружи;
Мечети съ три,
Ручьи, да лужи,
Кладбище, ровъ,
Да рыбный ловъ,
Духанъ, пять лавокъ
И наконецъ,
Всему въ добавокъ,

Вворху дворецъ
Преавантажный
И двухъ-этажный,
Гдѣ князь Шамхалъ
Сидитъ и судитъ
Всѣхъ наповалъ.
Въ большомъ папахѣ,
Въ цвѣтной рубахѣ,
Румянъ и дюжъ,
Счастливый мужъ
По царству ходитъ
И юныхъ дѣвъ
И въ стыдъ и въ гнѣвъ
Нерѣдко вводитъ.

ОЖИДАНІЕ.

Какъ долго ждетъ
Моя любовь —
Зачѣмъ нейдетъ
Моя Любовь?
Пора давно!
Часы летятъ,
И все одно
Любви твердятъ:
Скорѣй, скорѣй
Ловите насъ,
Пока Морфей
Скрываетъ васъ
Отъ зоркихъ глазъ!
Поетъ пѣтухъ,
Пропѣлъ другой,
И пылкій духъ
Убитъ тоской:
Все нѣтъ и нѣтъ!
Рѣдѣетъ тѣнь,
И брежжетъ свѣтъ,
И скоро день —
Спѣши, спѣши,
Моя Любовь,
И утуши
Мою любовь!

ТАБАКЪ.

Курись табакъ мой! вылетай
Изъ трубки дымъ прiятный,
И облаками разстилай
Свой запахъ ароматный!
Не столько Персу милъ кальянъ
Или шербетъ душистый,
Сколь милъ душѣ моей туманъ
Твой легкiй и волнистый!
Злой рокъ лишилъ меня всего —
И чести и свободы,
Но все курю, на-зло его,
Табакъ какъ въ прежни годы;
Курю и мыслю: «какъ горитъ
Табакъ мой въ трубкѣ жаркой,
Такъ и меня испепелитъ
Рокъ пагубный и жалкой.»
Курись же, вейся, вылетай,
Дымъ сладостный, прiятной,
И, если можно, исчезай
И жизнь съ нимъ невозвратно!

ПѢСНЬ ПОГИБАЮЩАГО ПЛОВЦА.

Вотъ мрачится
Сводъ лазурный!
Вотъ крутится
Вихорь бурный!
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ —
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!

Все чернѣе
Сводъ надзвѣздный,
Все страшнѣе
Воютъ бездны.
Глубь безъ дна —
Смерть вѣрна!
Какъ заклятый
Врагъ грозитъ,
Вотъ девятый
Валъ бѣжитъ!...

Горе, горе!
Онъ настигнетъ,
Въ шумномъ морѣ
Чолнъ погибнетъ—
Гробъ готовъ!
Трескъ громовъ
Надъ пучиной
Ярыхъ водъ
Вздохъ пустынной
Разнесетъ!...

Даръ завѣтный
Провидѣнья,
Гость привѣтный
Наслажденья—
Жизнь иль мигъ,
Не привыкъ
Утѣшаться
Я тобой,
И разстаться
Мнѣ съ мечтой!

Сокровенный
Сынъ природы,
Неизмѣнный
Другъ свободы—
Съ юныхъ лѣтъ
Въ море бѣдъ
Я направилъ
Быстрый бѣгъ,
И оставилъ
Мирный брегъ.

На равнинахъ
Водъ зеркальныхъ,
На пучинахъ
Погребальныхъ
Я скользилъ;
Я шутилъ
Грозной влагой,
Смертный валъ
Я отвагой
Побѣждалъ.

Какъ минутный
Прахъ въ эѳирѣ,
Безпріютный
Странникъ въ мірѣ,
Одинокъ
Какъ челнокъ,
Узъ любови
Я не зналъ,
Жаждой крови
Не сгаралъ.

Парусъ бѣлый,
Перелетный,
Якорь смѣлый,
Беззаботный,
Тусклый лучъ
Изъ-за тучъ,
Проблескъ дали
Въ тьмѣ ночей,
Замѣняли
Мнѣ друзей.

Что̀ жь мнѣ въ жизни
Безъизвѣстной,
Что̀ въ отчизнѣ,
Повсемѣстной?
Чѣмъ страшна
Мнѣ волна?
Пусть настигнетъ
Съ вѣчной мглой,
И погибнетъ
Трупъ живой!...

Все чернѣе
Сводъ надзвѣздный!
Все страшнѣе
Воютъ бездны!
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ —
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!

ТОСКА.

Бываютъ минуты душевной тоски,
Минуты ужасныхъ мученій—
Тогда мы злодѣи, тогда мы враги
Себѣ и мильйонамъ твореній.
Тогда въ безконечной цѣпи бытія
Не видимъ мы цѣли высокой—
Повсюду встрѣчаемъ несчастное *я*,
Какъ жертву надъ бездной глубокой;
Тогда, безотрадно блуждая во тьмѣ,
Хранимъ мы одно впечатлѣнье,
Одно ненавистное—холодъ къ землѣ
И горькое къ жизни презрѣнье.
Блестящее солнце въ огнистыхъ лучахъ
И неба роскошнаго своды
Теряютъ, въ то время, сіянье въ очахъ
Несчастнаго сына природы;
Тоска роковая, убійца-тоска
Надъ нимъ тяготѣетъ какъ мраморъ могилы,

И губитъ холодная смерти рука
Души изнуренныя силы.
Но зачѣмъ же вы убиты,
Силы мощныя души?
Или были вы сокрыты
Для бездѣйствія въ тиши?
Или не было вамъ воли
Въ этой пламенной груди,
Какъ въ широкомъ чистомъ полѣ,
Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣсти?
. . . .
. . . .

ОТЧАЯНІЕ.

О, дайте мнѣ кинжалъ и ядъ,
Мои друзья, мои злодѣи!
Я понялъ, понялъ жизни адъ—
Мнѣ сердце высосали змѣи!
Смотрю на жизнь, какъ на позоръ—
Пора разстаться съ своенравной
И произнесть ей приговоръ
Послѣдній, страшный и безславной!
Чтò въ ней?,.. зачѣмъ я на землѣ
Влачу убійственное бремя?...
Скорѣй во прахъ!—Въ холодной мглѣ
Покойно спитъ земное племя:
Ничто печальной тишины
Костей изсохшихъ не тревожитъ,
И черепъ мертвой головы
Одинъ лишь червь могильный гложетъ!
Безумство страсти и тоска,

Любовь, отчаянье, надежды,
И все, чѣмъ славились вѣка,
Чѣмъ жили геніи, невѣжды —
Все праху, все заплатитъ дань,
До той поры, пока природа,
Въ слухъ уничтоженнаго рода,
Речетъ торжественно: возстань!

ОЖЕСТОЧЕННЫЙ.

О, для чего судьба меня сгубила?
Зачѣмъ изъ цѣпи бытія
Меня навѣкъ природа исключила,
И страшно вживѣ умеръ я?
Еще въ груди моей бунтуетъ пламень
Неугасаемыхъ страстей,
А совѣсть, какъ врага заклятый камень,
Гнететъ отверженца людей!
Еще мой взоръ, блуждающій, но быстрый,
Порою къ небу устремленъ,
А Божества святой, отрадной искры,
Надежды съ вѣрой, я лишенъ!
И дышетъ все въ созданіи любовью,
И живы — червь и прахъ и листъ,
А я, злодѣй, какъ Авелевой кровью
Запечатлѣнъ, я — атеистъ!...
И вижу я, какъ горестный свидѣтель,
Сіянье утренней звѣзды;
И съ каждымъ днемъ твердитъ мнѣ добродѣтель:
«Страшись, страшись готовой мзды!...»

И грозенъ онъ, висящей казни голосъ,
И стынетъ кровь во мнѣ какъ ледъ,
И на челѣ стоитъ невольно волосъ,
И выступаетъ градомъ потъ!
Бѣжалъ бы я въ далекія пустыни,
Презрѣлъ бы ужасъ гробовой —
Душа кипитъ, но руки не рабыни
Разбить сосудъ свой роковой!
И жизнь моя мучительнѣе ада,
И мысль о смерти тяжела,
А вѣчность... ахъ! она мнѣ не награда,—
Я сынъ погибели и зла!
Зачѣмъ же я возникъ, о Провидѣнье,
Изъ тьмы вѣковъ передъ тобой?
О, обрати опять въ уничтоженье
Атомъ, караемый судьбой!
Земля, раскрой несытую утробу,
Горящей Этной протеки,
И, бурный вихрь, тоску мою и злобу
И память съ пепломъ развлеки!

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦЪ.

Кто видѣлъ образъ мертвеца,
Который демонскою силой,
Враждуя съ темною могилой,
Живетъ и страждетъ безъ конца?
Въ часъ полуночи молчаливой,
При свѣтѣ сумрачномъ луны,
Изъ подземельной стороны
Исходитъ призракъ боязливой.
Блѣдно, какъ саванъ роковой,
Чело отверженца природы,
И неестественной свободы
Ужасенъ видъ полуживой.
Унылый, грустный онъ блуждаетъ
Вокругъ жилища своего,
И — очарованъ — за него
Переноситься не дерзаетъ.
Слѣды минувшихъ, лучшихъ дней
Онъ видитъ въ мысли быстротечной,
Но мукой тяжкою и вѣчной
Наказанъ въ ярости своей.

Проклятый небомъ раздраженнымъ,
Онъ не пріемлется землей,
И овладѣлъ мучитель злой
Злодѣя прахомъ оскверненнымъ.
Вотъ мой удѣлъ!... Игра страстей,
Живой стою при дверяхъ гроба,
И скоро, скоро месть и злоба
Навѣкъ уснутъ въ груди моей!
Кумиры счастья и свободы
Не существуютъ для меня,
И, членъ ненужный бытія,
Не оскверню собой природы!
Мнѣ міръ—пустыня, гробъ—чертогъ!
Сойду въ него безъ сожалѣнья,
И пусть, за мигъ ожесточенья,
Самоубійцу судитъ Богъ!

НЕГОДОВАНІЕ.

Гдѣ ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Гдѣ ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Какъ видѣніе прекрасное,
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
Ты мелькнуло, самовластное,
И сокрылось отъ очей!
Ты не свѣтишь мнѣ по-прежнему,
Не горишь въ моей груди —
Преданъ року неизбѣжному
Я на жизненномъ пути.
Тучи мрачныя, громовыя,
Надъ главой моей висятъ,
Предвѣщанія суровыя
Духъ унылый тяготятъ.
Какъ я много драгоцѣннаго
Въ этой жизни погубилъ!
Какъ я идола презрѣннаго —

Жалкій міръ—боготворилъ!
Съ силой дивной и кичливою
Добровольнаго бойца,
И съ любовію ревнивою
Изступленнаго жреца,
Я служилъ ему торжественно,
Безъ раскаянья страдалъ,
И разсудка лучъ божественной
На безумство промѣнялъ!
Чтò же?... Страсти ненасытныя
Я таилъ среди огня,
И друзья — злодѣи скрытные —
Злобно предали меня!
Подъ эгидою ласкательства,
Подъ личиною любви,
Роковой кинжалъ предательства
Потонулъ въ моей крови!
Грустно видѣть бездну черную
Послѣ неба и цвѣтовъ,
Но грустнѣе жизнь позорную
Убивать . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Люди, люди развращенные —
То рабы, то палачи —
Бросьте злобой изощренные

Ваши копья и мечи!
Не тревожьте сталь холодную—
Лютой ярости кумиръ!
Вашу внутренность голодную
Не насытитъ цѣлый міръ!
Ваши зубы кровожадные
Блещутъ лезвіемъ косы—
Такъ грызитесь, плотоядные,
До послѣдняго, какъ псы!...

ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА.

О грустно мнѣ! Вся жизнь моя—гроза;
Наскучилъ я обителью земною!
Зачѣмъ же вы горите предо мною,
Какъ райскіе лучи предъ сатаною,
Вы—черные, волшебные глаза?

Увы! давно, печаленъ, равнодушенъ,
Я привыкалъ къ лихой моей судьбѣ:
Неистовый, безжалостный къ себѣ,
Презрѣлъ ее въ отчаянной борьбѣ,
И гордо былъ несчастію послушенъ!

Старинный рабъ мучительныхъ страстей,
Я испыталъ ихъ бремя роковое—
И буйный духъ, и сердце огневое,—
Я все убилъ въ обманчивомъ покоѣ,
Какъ лютый врагъ покоя и людей!

Въ моей тоскѣ, въ неволѣ безотрадной,
Я не страдалъ, какъ робкая жена;
Меня несла противная волна,
Несла на смерть—и гибель не страшна
Казалась мнѣ, въ пучинѣ безпощадной.

И мракъ небесъ, и громъ, и черный валъ
Любилъ встрѣчать я съ думою суровой,
И свисту бурь, подъ молніей багровой,
Внимать, какъ мужъ отважный и готовой
Испить до дна губительный фіалъ...

И погрузясь въ преступныя сомнѣнья
. . . . о цѣли бытія,
Я трепеталъ, чтобъ истина меня,
Какъ яркій лучъ, внезапно осѣня,
Не извлекла изъ тьмы ожесточенья.

Мнѣ страшенъ былъ великій переходъ
Отъ дерзкихъ думъ до свѣта Провидѣнья;
Я избѣгалъ невиннаго творенья,
Которое бъ могло, изъ сожалѣнья,
Моей душѣ дать выспренній полетъ.

И вдругъ оно, какъ ангелъ благодатной—
О, нѣтъ! — какъ духъ карающій и злой,
Свѣтлѣе дня, явилось предо мной,
Съ улыбкой розъ, пылающихъ весной
На муравѣ долины ароматной!

Явилось—все исчезло для меня:
Я позабылъ, въ мучительной невзгодѣ,
Мою любовь и ненависть къ природѣ,
Безумный пылъ къ утраченной свободѣ,
И все, чѣмъ жилъ, дышалъ доселѣ я...

Въ ея очахъ, алмазныхъ и привѣтныхъ,
Увидѣлъ я, съ невольнымъ торжествомъ,
Земной эдемъ!... Какъ-будто существомъ
Другихъ міровъ—какъ-будто Божествомъ
Исполненъ былъ въ мечтаніяхъ завѣтныхъ.

И дѣва-рай, и дѣва-красота
Лила мнѣ въ грудь невыразимымъ взоромъ
Невинную любовь, съ таинственнымъ укоромъ,
И пѣла въ ней душа небеснымъ хоромъ:
«Лобзай меня и въ очи и въ уста!

«Лобзай меня, пѣвецъ осиротѣлый,
Какъ мотылекъ лилею поутру!
Люби меня, какъ милую сестру—
И снова я и къ небу и къ добру
Направлю твой разсудокъ омертвѣлый!»

И этотъ звукъ разгаданныхъ рѣчей,
И эта пѣснь души ея прекрасной,
Въ восторгѣ чувствъ и нѣги сладострастной,
Гремѣли въ ней, волшебницѣ опасной,
Сверкали въ зеркалѣ ея очей!...

Напрасно я мой геній горделивой,
Мой злобный рокъ, на помощь призывалъ:
Со мною онъ какъ другъ изнемогалъ,
Какъ слабый врагъ предъ мощнымъ трепеталъ—
И я въ цѣпяхъ предъ дѣвою стыдливой!

Въ цѣпяхъ!... Творецъ!... Безсильное дитя
Играетъ мной по волѣ безотчотной,
Казнитъ меня съ улыбкой беззаботной—
И я, какъ рабъ, влачусь за нимъ охотно,
Всю жизнь мою страданью посвятя!...

Но кто она — прелестное созданье?
Кому любви, безпечной и живой,
Приноситъ даръ, быть-можетъ роковой?
Увы! гдѣ тотъ, кто дѣвы молодой
Вопьетъ въ себя невинное дыханье?...

Гроза и громъ! — ужель мои уста
Произнесутъ убійственное слово?
Ужели все въ подсолнечной готово
Лишить меня прекраснаго земнаго?...
Такъ, я лишенъ, лишенъ — и навсегда!...

Кто видѣлъ тернъ колючій и безплодной,
И рядомъ съ нимъ роскошный виноградъ?
Когда жь и гдѣ равно ихъ оцѣнятъ,
И на одной грядѣ соединятъ?
Цвѣтетъ ли миртъ въ Лапландіи холодной?...

Вотъ жребій мой! Благія небеса!
Быть-можетъ, я достоинъ наказанья;
Но я съ душой—могу ли безъ роптанья
Сносить мои жестокія страданья?
Забуду ль васъ, о черные глаза?

Забуду ль тѣ безцѣнныя мгновенья,
Когда съ тобой, какъ другъ, наединѣ,
Какъ нѣжный другъ, при солнцѣ и лунѣ
Я заводилъ бесѣды въ тишинѣ,
И изнывалъ въ тоскѣ, безъ утѣшенья?

Когда между развалинъ и гробовъ
Блуждали мы, съ унылыми мечтами,
И вѣчный сонъ надъ мирными крестами,
И смерть и жизнь летали передъ нами,
И я искалъ покоя мертвецовъ, —

Тогда одной разсѣянною думой
Питали мы знакомыя сердца:
«О, какъ близка могила отъ вѣнца!
И что̀ любовь—не прахъ ли мертвеца?...»
И я склонялъ къ могиламъ взоръ угрюмой.

И ты, блѣдна, съ потупленной главой,
Слѣдила ходъ мой, быстрый и неровной;
Ты шла за мной подъ тѣнію дубровной,
Была со мной, и я нашъ міръ духовной
Не промѣнялъ на счастливый земной!...

И сколько разъ, надъ нѣжной Элоизой,
Я находилъ прекрасную въ слезахъ, —
Иль, затая дыханье на устахъ,
Во тьмѣ ночей стерегъ ее въ волнахъ,
Гдѣ, иногда, подъ сумрачною ризой,

Бѣла какъ снѣгъ, волшебныя красы
Она струямъ зеркальнымъ предавала,
И между тѣмъ стыдливо обнажала
И грудь и станъ, и вѣтромъ развѣвало
И флеръ ея, и черные власы!..

Смертельный ядъ любви неотразимой
Меня терзалъ и медленно губилъ;
Мнѣ снова міръ, какъ прежде, опостылъ...
Быть-можетъ... Нѣтъ, мой часъ уже пробилъ,
Ужасный часъ, ничѣмъ неотвратимой!

Зачѣмъ гнѣвить безумно небеса?
Ея ужь нѣтъ!—Она цвѣтетъ и нынѣ...
Но гдѣ?... для чьей цвѣтетъ она гордыни?
Чей ѳиміамъ курится для богини?
Скажите мнѣ, о чорные глаза!

ЦѢПИ.

Зачѣмъ игрой воображенья
Картины счастья рисовать,
Зачѣмъ душевныя мученья
Тоской опасной растравлять?
Убитый рокомъ своенравнымъ,
Я вяну жертвою страстей,
И угнетенъ ярмомъ безславнымъ
Въ цвѣтущей юности моей!...
Я зрѣлъ: надежды лучъ прощальный
Темнѣлъ и гаснулъ въ небесахъ,
И факелъ смерти погребальный
Съ тѣхъ поръ горитъ въ моихъ очахъ!
Любовь къ прекрасному, природа,
Младыя дѣвы и друзья,
И ты, священная свобода,
Все, все погибло для меня!
Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій—
И умираю ночь и день!

Порою, огнь души унылой
Воспламеняется во мнѣ:
Съ снѣдающей меня могилой
Борюсь, какъ будто бы во снѣ;
Стремлюсь, въ жару ожесточенья,
Мои оковы раздробить,
И жажду сладостнаго мщенья
Живою кровью утолить.
Уже рукой ожесточенной
Берусь за пагубную сталь,
Уже разсудокъ мой смущенной
Забылъ и горе и печаль —
Готовъ... Но цѣпь порабощенья
Гремитъ на скованныхъ ногахъ,
И замираетъ сталь отмщенья
Въ холодныхъ, трепетныхъ рукахъ!
Какъ рабъ испуганный, бездушной,
Кляну свой жребій я тогда,
И вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда.

А. П. Л...у.

Ты мнѣ чужой—не съ давнихъ лѣтъ
Знакомъ душѣ твоей поэтъ!
Не симпатія двухъ сердецъ
Святаго дружества вѣнецъ
Въ счастливой жизни намъ вила,
И другъ для друга родила!
Быть-можетъ, разъ сойдтись съ тобой
Мнѣ предназначено судьбой—
И мы сошлись! Ты — въ красотѣ
Цвѣтущихъ дней, я — въ нищетѣ
Позорныхъ узъ... Добро, иль зло
Тебя къ страдальцу привело? —
Боюсь понять — подъ игомъ бѣдъ
Мнѣ подозрителенъ весь свѣтъ;
Погибшей истины черты
Въ моихъ глазахъ однѣ мечты:
Уму свирѣпому она
И ненавистна и смѣшна.

Быть можетъ, вѣтренникъ младой,
Смѣясь надъ глупой добротой,
Вмѣнивши шалости въ законъ,
И быстрымъ чувствомъ увлеченъ,
Ты ложной жалостью хотѣлъ
Смягчить ужасный мой удѣлъ
И осмѣять мою тоску.
Быть-можетъ, лестью простаку
Желалъ о счастьи вспомянуть,
И вновь жестоко обмануть...
Но пусть, игралище страстей,
Я буду куклой для людей!
Пусть ихъ коварства лютый ядъ
Въ моей груди усилитъ адъ —
И ты не лучше ихъ ничѣмъ!...

Не знаю самъ: за что, зачѣмъ
Я полюбилъ тебя? Твой взоръ
Не есть несчастному укоръ!
Твой голосъ, звукъ твоихъ рѣчей
Мнѣ милъ, какъ сладостный ручей:
Такъ соловей, въ ночной тиши,
Поетъ для горестной души,
Такъ Аббадонѣ Уріилъ
Во тьмѣ геенской говорилъ!...
Глаза печальные мои
Слезу пріязни и любви
Въ твоихъ замѣтили очахъ:
Ты любишь самъ меня — но, ахъ!
Твое участіе ко мнѣ,
Какъ легкій пепелъ на огнѣ,
На мигъ возникнетъ, оживетъ,

И вмѣстѣ съ вѣтромъ пропадетъ!
Я не виню тебя — жестокъ
Ко мнѣ не ты, а злобный рокъ,
И ты простишь въ пылу страстей
Обидной вольности моей —
Я снова узникъ и солдатъ!

КЪ НЕМУ ЖЕ.

Ты хочешь, другъ, чтобы рука
Временъ прошедшихъ чудака,
Вооруженная перомъ,
Черкнула снова кой-о-чемъ —
Увы! старинный даръ стиховъ,
И слѣдъ сатиръ и острыхъ словъ
Исчезъ въ безумной головѣ,
Какъ слѣдъ дріады на травѣ,
Иль запахъ розы молодой
Подъ недостойною пятой!...
. . . .
Оставленъ всѣми, одинокъ,
Какъ въ море брошенный челнокъ
Въ добычу яростной волнѣ,
Онъ увядаетъ въ тишинѣ.
Воспоминанья старины,
Какъ обольстительные сны,
Его тревожатъ иногда;
Въ забвеньи горестномъ тогда
Онъ воскресаетъ бытіемъ:

Безумнымъ радостнымъ огнемъ
Тогда глаза его горятъ,
И слезы крупныя блестятъ,
И, очарованный мечтой,
Надежду жизни молодой
Несчастный видитъ, ловитъ, вновь—
Опять поетъ, опять любовь
Къ свободѣ, къ міру въ немъ кипитъ!
Онъ къ ней стремится, онъ летитъ,
Онъ полонъ милыхъ сердцу думъ…
Но вдругъ цѣпей желѣзныхъ шумъ,
Иль хохотъ глупыхъ бѣглецовъ,
Тюрьмы безсмысленныхъ жильцовъ,
Раздался въ сводахъ роковыхъ —
И рой видѣній золотыхъ,
Какъ легкій утренній туманъ,
Унесъ души его обманъ!
Такъ жнецъ на пажити родной,
Стрѣлой сраженный громовой,
Внезапно падаетъ во прахъ —
И замеръ серпъ въ его рукахъ!
Надежду, радость — все взяла
Молніеносная стрѣла!…

ОТРЫВОКЪ.

И я въ тюрьмѣ... Ватага спитъ, —
Передо мной едва горитъ
Фитиль въ разбитомъ черепкѣ, —
Съ ружьемъ въ ослабленной рукѣ,
На грудь склонившись головой,
У двери дремлетъ часовой, —
Вблизи усталый караулъ,
Кто какъ умѣетъ, прикорнулъ, —
Повсюду сонъ и тишина...
Богъ винограда, богъ вина,
Сынъ пьяный пьянаго отца! —
Зачѣмъ пріятный гласъ пѣвца,
Въ часы полуночныхъ пировъ,
Не веселитъ твоихъ сыновъ?
Зачѣмъ на лирѣ золотой,
Передъ дѣвицей молодой,
Въ восторгѣ чувствъ онъ не гремитъ,
И блѣдный, пасмурный сидитъ,
Безъ возліяній и друзей,
Въ рукахъ едва ль полу-людей?

Не онъ ли свѣжесть раннихъ силъ
Тебѣ на жертву приносилъ
Во дни безпечной старины?
Не онъ ли розами весны
Твой благодѣтельный бокалъ
Рукой покорной украшалъ?
Свершилось!... нѣтъ его... ударь
Поблекшимъ тирсомъ въ свой алтарь!
Пролей вино изъ томныхъ глазъ!
Твой жрецъ, твой вѣрный жрецъ угасъ!
Угасъ, какъ факелъ буйныхъ дѣвъ,
Исчезъ, какъ громкій ихъ напѣвъ:
Эванъ, Эвое, славный Вакхъ!
Какъ разумъ скучный на пирахъ!
. . . .
. . . .
А ты, примѣрный человѣкъ,
Души высокой образецъ,
Мой благодѣтель и отецъ,
О, С...й, можешь ли когда,
Добычу гнѣва и стыда,
Пѣвца преступнаго простить?...
. . . .
Какъ погибающій злодѣй
Передъ сѣкирой роковой,
Теперь стою передъ тобой:
Мятежный вѣкъ свой погубя,
Въ слезахъ раскаянья тебя
Я умоляю . . . .
. . . . еще моимъ отцомъ
Хочу назвать тебя — зову,
И на покорную главу,

За преступленія мои,
Прошу прощенія любви...
Прости меня — моя вина
Ужасной местью отмщена!

. . . .

Завѣса вѣчности нѣмой
Упала съ шумомъ предо мной —
Я вижу . . . .
. . . . мой стонъ
Холоднымъ вѣтромъ разнесенъ,

. . . .
. . . . мой трупъ
. . . брошенъ въ снѣдь червямъ...

. . . .

И нѣтъ ни камня, ни креста,
Ни огороднаго шеста,
Надъ гробомъ узника тюрьмы —
Жильца ничтожества и тьмы!...

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Я встрѣчаю зарю,
И печально смотрю,
Какъ кропинки дождя,
По эѳиру летя,
Благотворно живятъ
Попираемый прахъ,
И кипятъ и блестятъ
Въ серебристыхъ звѣздахъ
На увядшихъ листахъ
Пожелтѣвшихъ луговъ.
Сила горней росы,
Какъ божественный зовъ,
Ихъ младыя красы
И крѣпитъ, и раститъ.
Чтò жь, кропинки дождя,
Вашъ бальзамъ не живитъ
Моего бытія?
Чтò, въ вечерней тиши,
Какъ пріятный обманъ,
Не исцѣлитъ онъ ранъ

Охладѣлой души?
Ахъ, не цвѣтъ полевой
Жжетъ, полдневной порой,
Разрушительный зной:
Сокрушаетъ тоска
Молодаго пѣвца,
Какъ въ землѣ мертвеца
Гробовая доска!...
Я увялъ — и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!
И я жилъ — но я жилъ
На погибель свою,
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою!
Не расцвѣлъ — и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что̀ любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей!
Духъ унылъ, въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла;
Миръ души погребла
Въ шумной волѣ любовь...
Не воскреснетъ она!
Я надежду имѣлъ
На испытныхъ друзей;
Но ихъ рой отлетѣлъ
При невзгодѣ моей.
Всѣмъ постылый, чужой,
Никого не любя,
Въ мірѣ странствую я,

Какъ вампиръ гробовой!
Мнѣ противно смотрѣть
На блаженство другихъ,
И въ мученіяхъ злыхъ
Не сгараючи тлѣть!...
Не кропите жь меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвѣтъ полевой,
Не губительный зной
Пролетѣлъ надо мной!
Я увялъ—и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!

Зачѣмъ задумчивыхъ очей
Съ меня, красавица, не сводишь?
Зачѣмъ огнемъ твоихъ рѣчей
Тоску на душу мнѣ наводишь?
Не припадай ко мнѣ на грудь
Въ порывахъ милаго забвенья —
Ты ничего въ меня вдохнуть
Не можешь, кромѣ сожалѣнья!
Меня не въ силахъ воскресить
Твои горячія лобзанья,
Я не могу тебя любить —
Не для меня очарованья!
Я былъ любимъ, и самъ любилъ —
Увялъ на лонѣ сладострастья,
И въ хладномъ сердцѣ схоронилъ
Минуты горестнаго счастья.
Я рано сорвалъ жизни цвѣтъ,
Все потерялъ, все отдалъ Хлоѣ —

И прежнихъ чувствъ и прежнихъ лѣтъ
Не возвратитъ ничто земное!
Еще мнѣ милы—красота
И дѣвы пламенные взоры;
Но сердце мучитъ пустота,
А совѣсть—мрачные укоры!
Люби другаго: быть твоимъ
Я не могу, о другъ мой милой!...
Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!

НОЧЬ НА КУБАНИ.

Весенній вечеръ на равнины
Кавказа знойнаго слетѣлъ;
Туманъ медлительный одѣлъ
Горъ дальнихъ синія вершины.
Какъ море розовой воды,
Заря слилась на небѣ чистомъ
Съ мерцаньемъ солнца золотистымъ,
И гаснетъ все; и съ высоты
Необозримаго эѳира,
Толпой видѣній окруженъ,
На крыльяхъ легкаго зефира
Спустился другъ природы сонъ...
Его вліянію покорный,
Заботъ и воли мирный сынъ,
Покой вкушаетъ благотворный
Трудолюбивый селянинъ.
Богатый духомъ безмятежнымъ,
Онъ спитъ въ кругу своей семьи,
Подъ кровомъ вѣрнымъ и надежнымъ
Давно испытанной любви.

И счастливъ въ незавидной долѣ!
Его всегда лелѣютъ сны:
Онъ видитъ вѣчно лугъ и поле
И поцѣлуй своей жены.
И онъ — заранѣ утомленной
Слѣпой фортуной сибаритъ —
И онъ отъ бѣднаго сокрытъ
На ложѣ нѣги утонченной!
Напрасно голосъ гробовой
Страданья тяжкаго взываетъ:
Онъ никогда не возмущаетъ
Его души полуживой!
И пусть таитъ глухая совѣсть
Свою докучливую повѣсть —
Ее ужасно прочитать
Во глубинѣ души убитой!
Ужасно небо призывать
Десницѣ, кровію облитой!...

Едва замѣтною грядой —
Громадъ воздушныхъ рядъ зыбучій—
Плывутъ во тьмѣ сѣдыя тучи,
И мѣсяцъ блѣдный молодой,
Закрытый ихъ печальной тканью,
Прорѣзалъ дальній горизонтъ
И надъ гремучею Кубанью
Глядится въ новый Геллеспонтъ...
Бывало, бодрый и безмолвный,
Казакъ на пагубныя волны
Вперяетъ взоръ сторожевой:
Нерѣдко ихъ знакомый ропотъ
Таилъ коней татарскихъ топотъ

Передъ тревогой боевой;
Тогда винтовки смертоносной
Нежданный выстрѣлъ вылеталъ,
И хищникъ смертію поносной
На брегѣ русскомъ погибалъ;—
Или толпой ожесточенной
Врывались злобные враги
Въ шатры Защиты изумленной,
И обагряли глубь рѣки
Горячей кровью казаки.
Но миновало время брани,
Смирился дерзостный Джигитъ,
И рѣдко, рѣдко по Кубани
Свинецъ убійственный свиститъ.
Молчаньемъ мрачнымъ и печальнымъ
Окрестность битвъ обложена,
И будто миромъ погребальнымъ
Убита бранная страна...
Все дышетъ нѣгою прохладной,
Все спитъ... Но что̀ же сонъ отрадной,
Въ тиши таинственныхъ ночей,
Не посѣтитъ моихъ очей?
Зачѣмъ зову его напрасно?
Иль въ самомъ дѣлѣ такъ ужасно
Утратить вольность и покой?
Ужель они невозвратимы,
Кумиры юности моей,
И никогда неукротимы
Порывы сильные страстей?

. . . .

Ахъ, кто мечтѣ высокой вѣрилъ,
Кто почиталъ коварный свѣтъ,

И на зарѣ весеннихъ лѣтъ
Его ничтожество измѣрилъ,—
Кто погубилъ, подобно мнѣ,
Свои надежды и желанья,—
Предъ кѣмъ разрушились вполнѣ
Грядущей жизни упованья, —
Кто сиръ и чуждъ передъ людьми,—
Кому дадутъ изъ сожалѣнья,
Иль ненавистнаго презрѣнья,
Когда-нибудь клочокъ земли—
Одинъ лишь тотъ меня оцѣнитъ,
Моей тоски не обвинивъ,
Душевнымъ чувствамъ не измѣнитъ,
И скажетъ: такъ, ты несчастливъ!—
Какъ братъ къ потерянному брату,
Съ улыбкой нѣжной подойдетъ,
Слезу страдальную прольетъ
И раздѣлитъ мою утрату!...

. . . .

Лишь онъ одинъ постигнуть можетъ,
Лишь онъ одинъ поймстъ того,
Чье сердце червь могильный гложетъ!
Какъ пальма въ зеркалѣ ручья,
Какъ тѣнь налетная въ лазури,
Въ немъ отразится послѣ бури
Душа унылая моя!
Я буду—онъ, онъ будетъ—я,
Въ одномъ изъ насъ сольются оба,
И пусть тогда вражда и злоба,
И мечъ, и заступъ гробовой
Гремятъ надъ нашей головой!

. . . .

Но гдѣ же онъ, воображенье
Очаровавшій идеалъ —
Мое прелестное видѣнье
Среди пустыхъ, туманныхъ скалъ?
Подобно грознымъ исполинамъ,
Онѣ чернѣютъ по равнинамъ
Въ своей безстрастной красотѣ;
Лишь иногда на высотѣ,
Или въ развалинахъ кремнистыхъ,
Мелькая парой глазъ огнистыхъ,
Кабанъ свирѣпый пробѣжитъ;
Или орловъ голодныхъ стая,
Съ пустынныхъ мѣстъ перелетая,
На время сонъ ихъ возмутитъ.
А я на камнѣ одинокомъ,
Рушитель общей тишины,
Сижу въ забвеніи глубокомъ,
Какъ духъ подземной стороны.
И пронесутся дни и годы
Своей обычной чередой,
Но мнѣ покоя и свободы
Не возвратятъ они съ собой!

ПРОВИДѢНІЕ.

Я погибалъ —
Мой злобный геній
Торжествовалъ!
Отступникъ мнѣній
Своихъ отцовъ,
Врагъ утѣсненій,
Какъ царь духовъ,
Въ душѣ безбожной
Надежды ложной
Я не питалъ,
И изъ Эреба
Мольбы на небо
Не возсылалъ.
Мольба и вѣра
Для Люцифера
Не созданы, —
Гордынѣ смѣлой
Онѣ смѣшны.

Злодѣй созрѣлый,
Въ виду смертей,
Въ когтяхъ чертей —
Всегда злодѣй.
Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье.
Окаменень,
Какъ хладный камень,
Ожесточенъ,
Какъ сѣрный пламень —
Я погибалъ
Безъ сожалѣній,
Безъ утѣшеній!
Мой злобный геній
Торжествовалъ!
Печать проклятій —
Удѣлъ моихъ
Подземныхъ братій,
Тирановъ злыхъ
Себя-самихъ —
Уже клеймилась
Въ моемъ челѣ,
Душа ко мглѣ
Уже стремилась...
Я былъ готовъ
Безъ тайной власти
Сорвать покровъ
Съ моихъ несчастій.
Послѣдній день
Сверкалъ мнѣ въ очи,

Послѣдней ночи
Встрѣчалъ я тѣнь,
И въ думѣ лютой
Все рѣшено:
Еще минута
И — свершено!...

Но вдругъ, нежданный
Надежды лучъ,
Какъ свѣтъ багряный,
Блеснулъ изъ тучъ:
Какой-то скрытый,
И мной забытый
Издавна, Богъ
Изъ тьмы открытой
Меня извлекъ!...
Рукою сильной
Остовъ могильной
Вдругъ оживилъ —
И Каинъ новой
Въ душѣ суровой
Творца почтилъ.
Непостижимый,
Неотразимый,
Онъ снова влилъ
Въ грудь атеиста
И лже-софиста
Огонь любви!
Онъ снова дни
Тоски печальной
Озолотилъ

И озарилъ
Зарей прощальной!
Гори жь, сіяй,
Заря святая!
И догорай,
Не померкая!

ЗВѢЗДА.

Она взошла, моя звѣзда,
Моя Венера золотая;
Она блеститъ, какъ молодая
Въ уборѣ брачномъ красота!
Пустынникъ міра безотрадной,
Съ ея таинственныхъ лучей
Я не свожу моихъ очей
Въ тоскѣ мучительной и хладной.
Моей бездѣйственной души
Не оживляя вдохновеньемъ,
Она небеснымъ утѣшеньемъ
Ее даритъ въ ночной тиши.
Какой-то силою волшебной
Она влечетъ меня къ себѣ,
И, перекорствуя судьбѣ,
Врачуетъ грусть мечтой цѣлебной!
Предавшись ей, я вижу вновь
Мои потерянные годы,
Дни счастья, дружбы и свободы,
И помню первую любовь.

РАСКАЯНІЕ.

Я согрѣшилъ противъ разсудка —
Его на мигъ я разлюбилъ:
Тебѣ, степная незабудка,
Его я съ честью подарилъ!
Я промѣнялъ святую совѣсть
На мщенье буйнаго глупца,
И отвратительная повѣсть
Гласитъ безуміе пѣвца.
Я согрѣшилъ противъ условій
Души и славы молодой,
Которы демонъ празднословій
Теперь освищетъ съ клеветой.
Кинжалъ коварный сожалѣнья,
Притворной дружбы и любви
Теперь потонетъ, безъ сомнѣнья,
Въ моей бунтующей крови.
Толпа знакомцевъ вѣроломныхъ,
Ихъ шумный смѣхъ, и строгій взоръ
Мужей значительно безмолвныхъ,
И ропотъ дѣвъ неблагосклонныхъ —

Все мнѣ и казнь и приговоръ!
Какъ чадъ неистовый похмѣлья,
Ты отлетѣла наконецъ,
Минута злобнаго веселья!
Проснись, задумчивый пѣвецъ!
Гдѣ гармоническая лира,
Гдѣ барда юнаго вѣнокъ?
Ужель повергнулъ ихъ порокъ
Къ стопамъ ничтожнаго кумира?
Ужель бездушный идеалъ
Неотразимаго разврата
Тебя, какъ жертву каземата,
Рукой поносной оковалъ?
О, нѣтъ, свершилось — жаръ мятежной
Остылъ на пасмурномъ челѣ!
Какъ сынъ земли, я дань землѣ
Принесъ чредою неизбѣжной:
Узналъ безславіе, позоръ
Подъ маской дикаго невѣжды;
Но предъ лицомъ Кавказскихъ горъ
Я рву нечистыя одежды!
Подобный гордостью горамъ,
Замѣтнымъ въ безднахъ и лазури,
Я воспарю, какъ ѳиміамъ
Съ цвѣтовъ пустынныхъ, къ небесамъ,
И передамъ моимъ струнамъ
И ревъ, и вой минувшей бури.

ВОДОПАДЪ.

Между стремнинъ съ горы высокой
Ручьи прозрачные журчатъ
И вдругъ, сливаясь въ токъ широкой,
Являютъ грозный водопадъ.
Громады волнъ буграми хлещутъ
Въ паденьи быстромъ и крутомъ,
И, разлетѣвшись, ярко блещутъ
Вокругъ серебрянымъ дождемъ;
Реветъ и стонетъ гулъ протяжной
По разорвавшейся рѣкѣ
И, исчезая съ пѣной влажной,
Смолкаетъ глухо вдалекѣ.
Вотъ наша жизнь! Вотъ образъ вѣрной
Погибшей юности моей!
Она, въ красѣ нелицемѣрной,
Сперва катилась, какъ ручей;
Потомъ, въ пылу страстей безумныхъ,
Быстра какъ горный водопадъ,
Исчезла вдругъ при плескахъ шумныхъ,
Какъ эха дальняго раскатъ.
Шуми, шуми, о сынъ природы! —
Ты, безотрадною порой,
Пѣвцу напомнилъ блескъ свободы
Своей свободною игрой!

КЪ МОЕМУ ГЕНІЮ.

Ужель, мой геній быстролетной,
Ужель и ты мнѣ измѣнилъ,
И думой черной, безотчетной,
Какъ тучей, сердце омрачилъ?
Погасла яркая лампада —
Завѣтный спутникъ прежнихъ лѣтъ,
Моя послѣдняя отрада,
Подъ свистомъ бурь, на морѣ бѣдъ!
Давно челнокъ мой одинокой
Скользитъ по яростной волнѣ,
И я не вижу въ тьмѣ глубокой
Звѣзды привѣтной въ вышинѣ;
Давно могучій вѣтеръ носитъ
Меня вдали отъ береговъ
Давно душа покоя проситъ
У благодѣтельныхъ боговъ.
Казалось, теплыя молитвы
Уже достигли къ небесамъ,
И я, какъ жрецъ, на полѣ битвы
Курилъ мой свѣтлый ѳиміамъ,

И благодѣтельное слово
Въ устахъ правдиваго судьи,
Казалось, было ужь готово
Изречь: воскресни и живи!
Я оживалъ; но ты, мой геній,
Исчезъ, забылъ меня — и я
Теперь одинъ въ цѣпи твореній
Пью грустно воздухъ бытія.
Темнѣетъ ночь, гроза бушуетъ,
Несется быстро мой челнокъ —
Душа кипитъ, душа тоскуетъ,
И, мнится, снова торжествуетъ
Надъ бѣднымъ плавателемъ рокъ.
Явись же, геній прихотливой!
Явись опять передо мной,
И проводи меня счастливо
Къ странѣ, знакомой съ тишиной!

Разлюби меня, покинь меня,
Доля-долюшка желѣзная!
Опротивѣла мнѣ жизнь моя,
Молодая, безполезная!

Не припомню я счастливыхъ дней—
Не знавалъ я ихъ съ младенчества!
Для измученной души моей
Нѣтъ въ подсолнечной отечества!

Слышалъ я, что будто Божій свѣтъ
Я увидѣлъ съ тихимъ ропотомъ,
А потомъ житейскихъ бурь и бѣдъ
Не избѣгнулъ горькимъ опытомъ.

Рано, рано ознакомился
Я на морѣ съ непогодою;
Поздно, поздно приготовился
Въ бой отчаянный съ невзгодою!

Закатилася звѣзда моя,
Та ль звѣзда моя туманная,
Чтò слѣдила завсегда меня,
Какъ невѣста нежеланная!

Не ласкала, не лелѣяла,
Какъ любовница завѣтная —
Только холодомъ обвѣяла,
Какъ измѣнница всесвѣтная!

ГРУСТЬ.

На пиру у жизни шумной,
Въ царствѣ юной красоты,
Рвалъ я, съ жадностью безумной,
Благовонные цвѣты.
Много чувства, много жизни
Я роскошно потерялъ,
И душевной укоризны,
Можетъ-быть, не избѣжалъ.
Отчего жь не съ сожалѣньемъ,
Отчего жь — скажите мнѣ —
Но съ невольнымъ восхищеньемъ
Вспомнилъ я о старинѣ?
Отчего же локонъ черный,
Этотъ локонъ смоляной,
День и ночь, какъ духъ упорный,
Все мелькаетъ предо мной?
Отчего, какъ въ полдень ясный
Голубыя небеса,
Мнѣ таинственно прекрасны
Эти черные глаза?

Почему же голосъ сладкой,
Этотъ голосъ неземной,
Льется въ душу мнѣ украдкой
Гармонической волной?
Чтò тревожитъ духъ унылой,
Манитъ къ счастію меня?
Ахъ, не вспыхнетъ надъ могилой
Искра прежняго огня!
Отлетѣли заблужденій
Невозвратные рои —
И я мертвъ для наслажденій,
И угасъ я для любви!
Сердце ищетъ, сердце проситъ
Послѣ бури уголка;
Но мольбы его разноситъ
Безпощадная тоска!

ПРОЩАНІЕ.

Итакъ, прощайте! Скоро, скоро
Переселюсь я, наконецъ,
Въ страну такую, изъ которой
Не возвратился мой отецъ!
Не жду отъ васъ ни сожалѣнья,
Не жду ни слезъ, мои друзья!
Враги мои — увѣренъ я —
Вы тоже съ чувствомъ умиленья
Во гробъ уложите меня!
Удѣлъ весьма обыкновенной!
Когда же, въ очередь свою,
И вамъ придется непремѣнно
Сойдти въ Харонову ладью,
Чтобъ отыскать въ рѣкѣ забвенья
Свои несчастныя творенья, —
То, вѣрьте, милые, и васъ
Проводятъ съ смѣхомъ въ добрый часъ!
Когда сыгралъ на сценѣ міра
Пустую роль свою актеръ —
Тогда съ народнаго кумира
Долой мишурная порфира,

И свистъ безумцу приговоръ!...
Болѣзнью тяжкой изнуренныхъ
Я видѣлъ много разныхъ лицъ:
Сѣдыхъ ханжей, сѣдыхъ дѣвицъ,
Мужей и мудрыхъ и почтенныхъ:
Увы! грѣховнаго плода
Они вкушали неизбѣжно,
И отходили безмятежно,
Никто не вѣдаетъ куда!
Холодный зритель улыбался,
Лукавый родственникъ смѣялся,
Сатира, колкимъ языкомъ,
О нихъ минуты двѣ судила —
Потомъ холодная могила
Навѣкъ безчувственнымъ пескомъ
Ихъ трупы хладные прикрыла!...
Скажите жь мнѣ въ послѣдній разъ,
Непостижимыя созданья:
Куда изъ круга міросзданья,
Куда вы кроетесь отъ насъ?
Кто этотъ міръ безъ сожалѣнья
Покинуть можетъ навсегда?
Не тотъ ли, кто безъ заблужденья,
Какъ неподвижная звѣзда
Среди воздушнаго волненья,
Привыкъ умомъ своимъ владѣть,
И, сынъ безсмертія и праха,
Безъ суевѣрія и страха
Умѣетъ жить и умереть?

ЧАХОТКА(*).

Вотъ тебѣ, Александръ, живая картина моего настоящаго положенія:

. . . .
. . . .
. . . .

Но горе мнѣ, съ другой находкой
Я ознакомился — съ чахоткой,
И въ ней, какъ кажется, сгнію!
Тяжелой мраморною плитой,
Со всей анаѳемскою свитой —
Удушьемъ, кашлемъ — какъ змія
Впилась, проклятая, въ меня;
Лежитъ на сердцѣ, мучитъ, гложетъ
Поэта въ мрачной тишинѣ,
И злымъ предчувствіемъ тревожитъ
Его въ бреду и въ тяжкомъ снѣ.

(*) Пьеса эта написана за нѣсколько дней до смерти.

Ужель, ужель—онъ мыслитъ грустно—
Я подвигъ жизни совершилъ,
И юныхъ дней фіалъ безвкусной,
Но долго памятный разбилъ?
Давно ли я, въ оргіяхъ шумныхъ,
Ничтожность міра забывалъ,
И въ кликахъ радости безумныхъ
Безумство счастьемъ называлъ?
Тогда—вдали отъ глазъ невѣжды,
Или фанатика глупца,
Я сердцу милыя надежды
Питалъ съ улыбкой мудреца,
И счастливъ былъ!... Самозабвенье
Таилось въ безднѣ пустоты—
. . . .
. . . .
Съ уничтоженіемъ разсудка,
Въ нелѣпомъ вихрѣ бытія,
Законовъ мозга и желудка
Не различалъ во мракѣ я!
Я спалъ душой изнеможенной,
Никто мнѣ бѣдъ не предрекалъ,
И самъ—какъ рабъ, ума лишенной—
Точилъ на грудь свою книжалъ;
Потомъ проснулся... но ужь поздно:
Заря по тучамъ разлилась—
Завѣса будущности грозной
Передо мной разодралась...
И что̀ жь? чахотка роковая
Въ глаза мнѣ пристально глядитъ,
И, блѣдный ликъ свой искажая,
Мнѣ, слышу, хрипло говоритъ:

«Мой милый другъ! бутыльнымъ звономъ
Ты звалъ давно меня къ себѣ;
Итакъ, являюсь я съ поклономъ —
Дай уголокъ твоей рабѣ!
Мы заживемъ, повѣрь, не скучно;
Ты будешь кашлять и стонать,
А я всегда и безотлучно
Тебя готова утѣшать...»

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ЭПИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

КОРІОЛАНЪ.

1.

Была страна подъ небесами,
Была великая страна—
Страна чудесъ,—но времена
Враждуютъ страшно съ чудесами!
Былъ градъ, любимый градъ боговъ,—
Но ужь давно предѣлы міра
Освободились отъ кумира
Племенъ, народовъ и вѣковъ!
Онъ палъ—сперва какъ левъ свободный,
Потомъ какъ воинъ благородный,
Потомъ какъ рабъ! Съ лица земли
Онъ не исчезъ отъ укоризны;

Но душенъ воздухъ той отчизны,
Гдѣ славу предковъ погребли, —
И, жертва общаго презрѣнья,
Съ тѣхъ поръ на мѣстѣ преступленья
Онъ, какъ измученный злодѣй,
Обезображенный страданьемъ,
Лежитъ, покрытый поруганьемъ,
Въ виду безжалостныхъ людей!
Безъ утѣшенья и безъ силы,
Лишенный чувствъ и оборонъ,
Какъ лобызаніемъ Далилы
Обезображенный Самсонъ —
Онъ недвижимъ во снѣ глубокомъ,
И филистимская вражда
Стоитъ въ веселіи жестокомъ
Надъ ложемъ смерти и стыда;
И залегла надъ нимъ сурово
Непроницаемая мгла —
И долго чернаго покрова
Не сгонитъ день съ его чела!
И что жь? не будетъ листъ увядшій
Цвѣсти опять между вѣтвей,
И горній духъ, однажды падшій,
Не воскреситъ минувшихъ дней!
Онъ спитъ... но кто не видѣлъ бури,
Когда, свирѣпа и грозна,
Она, какъ черная волна,
Мрачитъ и топитъ блескъ лазури?
О, такъ на лонѣ тишины,
Надъ этой вѣчною могилой
Кумира славной старины —
Летаютъ, вьются съ чудной силой

Живые, тягостные сны!
Такъ благодатная десница
Всегда таинственной судьбы
Еще хранитъ твои столпы,
О, Римъ, всемiрная столица!
И какъ бездѣтная орлица,
Она витаетъ надъ тобой,
И грустно ей разстаться съ славой,
Съ твоей побѣдною державой,
Теперь погибшей и рабой!
И между тѣмъ какъ сонъ печальной
Тебя сурово тяготитъ,
Она улыбкою прощальной
Съ тобой безмолвно говоритъ...
И рой видѣнiй: то прекрасныхъ,
Подобно утренней звѣздѣ,
То величавыхъ, то ужасныхъ —
Страшнѣй порока въ наготѣ, —
Тебя лелѣетъ безпрерывно,
Какъ мать любимое дитя;
Иль, свѣжей памятью шутя,
Наводитъ страхъ и ужасъ дивной
На трупъ холодный и нѣмой
Твоей гордыни роковой, —
И въ влажномъ облакѣ тумана
Рисуетъ онъ передъ тобой,
Перстомъ волшебнымъ некромана:
И твой воинственный разбой,
И добровольное гражданство,
И духъ отважный мятежей,
И кровь свободы, и тиранство
Среди народныхъ площадей.

Фабрицій, Регулъ, тріумвиры,
Трибуны, консулы, порфиры
Въ громахъ и прежней красотѣ,
Борясь съ свирѣпыми вѣками,
Встаютъ, и пышными рядами,
Мелькая ярко въ темнотѣ,
Приносятъ дань твоей мечтѣ.
И видишь живо ты мильйоны
Своихъ народовъ и рабовъ,
Свои когорты, легіоны
Подъ тѣнью тысячей орловъ,
И океанъ, обремененный
Громадой черныхъ караблей,
И міръ, колѣнопреклоненный
Предъ Капитоліей твоей,
И все, и все, чтѝ обожали
Съ глухимъ проклятьемъ племена,
Чтѝ безусловно освящали
Своимъ полетомъ времена!
Все видишь ты, и — изнуренный
Ужасной мукой Прометей,
Но будто вновь одушевленный
Картиной славы прежнихъ дней, —
Ты, можетъ-быть, въ тоскѣ безсильной
Желаешь быстро перервать
Твой сонъ лукавый, сонъ могильной,
И съ новой яростью возстать?
Но... безотрадныя надежды!
Прошли года—пройдутъ года,
И смертью скованныя вѣжды
Не разомкнутся никогда!...
Ты палъ! ты умеръ для потомства!

Ты груда камней для земли —
Сѣкиры зла и вѣроломства
Твои оплоты потрясли!
Нѣтъ Рима, нѣтъ — и невозвратно!
И съ полунощной тишиной,
Одна лишь тѣнь его превратно
Дрожитъ надъ тибрскою волной!...
Исчезли цирки, пантеоны,
Дворцы Нерона и сенатъ,
И императорскіе троны,
И анархическій булатъ;
И тамъ, на площади народной,
Гдѣ, въ буйномъ гнѣвѣ трепеща,
Взывалъ Антоній благородный
Къ друзьямъ кроваваго плаща, —
Гдѣ защитилъ народъ свободный
Своихъ тирановъ отъ мечей,
И наконецъ, окровавленный,
Склонился выей, изнуренный,
Подъ иго хитрыхъ палачей —
Тамъ тихо все! умолкли битвы!...
Лишь вѣкъ иль два тому назадъ,
Бывало, теплыя молитвы
То мѣсто громко огласятъ,
Когда, въ угодность Каіафѣ,
При звукѣ бубновъ и роговъ,
Въ великолѣпномъ ото-да-фе
Сжигали злыхъ еретиковъ;
Теперь же, въ Ромуловой сферѣ
Костры живые не трещатъ —
За то прекрасно «Miserere»
Поетъ плѣнительный кастратъ,

И если страннику угодно
Имѣть услужливыхъ друзей —
Его супругу благородно
Проводитъ въ спальню чичисбей. .

2.

Кто видѣлъ надъ брегомъ туманнаго моря
Вѣкамъ современный, огромный утёсъ,
Который, съ волнами кипучими споря,
На брань вызываетъ ихъ бурный хаосъ?
Стоитъ онъ недвижный надъ черной могилой—
Но воютъ и плещутъ буграми валы;
Свирѣпое море съ невѣдомой силой
Обмыло гранитныя ребра скалы,
Обрушилось, пало холодной геенной,
Тяжелой громадой на вражье чело —
Сорвало, разбило, и лавой надменной
Въ пучину сѣдую, какъ вихрь, унесло!
Тѣ волны, то море — народная сила,
Скала—побѣжденный народомъ герой!
На полѣ отваги судьба довершила
Насильства и славы торжественный бой...

Смотрите: бунтуютъ безумныя страсти,
Неистово блещетъ крамольный перунъ,
Священный останокъ утраченной власти
Громитъ безотвѣтно могучій трибунъ.
Мятежъ своевольный и ярые клики
Возникли въ отчизнѣ великихъ мужей:
Патрицій, и воинъ, и рабъ полудикій

Враждуютъ на стогнахъ отцовъ и дѣтей;
И шумъ и смятенье въ приливѣ народа.
«Сенатъ и законы!»—Мечи и свобода! —
Взываютъ и вторятъ въ суровыхъ толпахъ.
«Но слава, побѣды, заслуги и раны?»
—Изгнанье злодѣю! погибнутъ тираны!
Мы вмѣстѣ сражались и гибли въ бояхъ!—
И глухо мечи застучали въ ножнахъ.
«Давно ли онъ принялъ отъ гордаго Рима
Зеленый вѣнокъ, украшенье вождей?»
—Изнанье, изгнанье! Видна діадима
Въ зеленомъ вѣнкѣ изъ дубовыхъ вѣтвей!—
И долго торжественный голосъ укора,
Мѣшаясь съ проклятьемъ, въ народѣ гремѣлъ,
И жребій изгнанія—жребій позора
Достался безстрашному мужу въ удѣлъ!...
Доволенъ и грозенъ неправедной силой,
Народъ удалился отъ мѣста суда,
И городъ веселый, и городъ унылой
Покрылся завѣсою тьмы и стыда...
Но кто, окруженный толпою ревнивой,
Подъ вѣрной защитой булатныхъ мечей —
Покоенъ и важенъ, какъ царь молчаливой—
Идетъ передъ сонмомъ враговъ и друзей?
Волнистыя, длинныя перья шелома
Клубятся и вьются надъ блѣднымъ челомъ,
Гдѣ грозныя тучи, предвѣстницы грома,
Какъ будто таятся во гробѣ нѣмомъ, —
И око, обвитое черною бровью,
Сверкаетъ и пышетъ, какъ день на зарѣ,—
И станъ величавый, и, жаркою кровью
Нерѣдко увлаженный, мечъ при бедрѣ,

Блестящій въ изгибахъ суровой одежды.
Онъ гордо проходитъ предъ буйной толпой,
И мнится, и злобу, и месть, и надежды
Великаго Рима уноситъ съ собой...

Ужь поздно. Тарпея, какъ тѣнь великана,
Сокрыла сѣдую главу въ облакахъ,
И тихо слетаетъ на землю Діана,
Въ серебряной мантіи, въ яркихъ звѣздахъ.
Часы золотые! отрадное время!
Вамъ жертву приноситъ поклонникъ суетъ —
Лишь съ сумракомъ ночи забудетъ онъ бремя
Душевной печали и тягостныхъ бѣдъ.
Въ глуби эмпирея, на небѣ эмальномъ
Звѣзда молодая блеститъ для него,
И сонъ благотворный, на ложѣ страдальномъ,
Согрѣетъ облитое хладомъ чело, —
И послѣ на муку знакомаго ада,
На радость и горе, на жизнь и тоску
Навѣетъ волшебная ночи прохлада,
Быть-можетъ, навѣкъ гробовую доску!...
Одѣлась туманною мглою столица;
Мятежныя площади спятъ въ тишинѣ.
Вдали промелькаетъ, порой, колесница,
Иль всадникъ суровый на быстромъ конѣ;
Ночныя бесѣды, румяныя дѣвы
Замѣтны, порою, въ роскошныхъ садахъ,
И слышны лобзанья, и смѣхъ, и напѣвы, —
И рядомъ темницы, и вопли въ цѣпяхъ!
И рѣдки на улицахъ робкія встрѣчи,
И голосъ укора, и ропотъ любви —
Плащи и кинжалы, смертельныя сѣчи,

Мольба и проклятья, и трупы въ крови...
И снова молчанье — какъ-будто изъ Рима
Возникло песчаное море степей;
Безоблачно небо, луна недвижима
Въ пространствѣ глубокомъ воздушныхъ зыбей.

У храма, подъ тѣнью душистой оливы,
Внезапно нарушенъ священный покой:
То робкія жены — ихъ взоръ боязливый
Наполненъ слезами и дышетъ тоской.
Одна — молодая, въ печали глубокой,
Какъ ландышъ весенній бѣла и нѣжна;
Другая — лѣтами и грустью жестокой
Холодной могилѣ давно суждена.
Предъ ними, закрытый волнистою тогой,
Въ пернатомъ шеломѣ, въ бронѣ боевой —
Невѣдомый воинъ, унылый и строгой,
Стоитъ безъ отвѣта съ поникшей главой.
И тяжкая мука, и плачъ, и рыданье
Подъ сводами храма въ отсвѣченной мглѣ;
И видны у воина гнѣвъ, и страданье,
И тайная дума, и месть на челѣ.
И вдругъ, изнуренный душевнымъ волненьемъ,
Какъ будто воспрянувъ отъ тяжкаго сна,
Какъ будто испуганъ ужаснымъ видѣньемъ—
«Прости же, сказалъ онъ, родная страна!
Простите рабы знаменитой державы,
Которой побѣды, и славу, и честь
Мрачитъ и пятнаетъ, на поприщѣ славы,
Народа слѣпаго безумная месть!
Я правъ передъ вами! я гордой отчизнѣ
Принесъ дорогую, священную дань—

Младыя надежды заманчивой жизни,
И сердце героя, и крѣпкую длань.
Не я ли, могучій и тѣломъ и духомъ,
Рѣшалъ многократно сомнительный бой?
Не я ли наполнилъ Италію слухомъ
О геніѣ Рима, враждуя съ судьбой?
И гдѣ же награда? Народъ благодарной,
Въ минутномъ восторгѣ, вождя увѣнчалъ —
И вновь, увлеченный толпою коварной,
Его же свирѣпо судилъ и изгналъ!
Простите жь, рабы знаменитой державы,
Которой побѣды, и славу, и честь
Мрачитъ и пятнаетъ, на поприщѣ славы,
Народа слѣпаго безумная месть!...»
Протяжно гремѣли суровые звуки,
И глухо исчезли въ ночной тишинѣ;
Но голосъ прощанья, минуты разлуки,
Опять пробудился, какъ пепелъ въ огнѣ:
«Свершилось! свершилось! О, мать и супруга!
Мнѣ дорого время, мнѣ дорогъ позоръ!
Примите жь въ объятія сына и друга —
Его изгоняетъ навѣкъ приговоръ!
Гдѣ дѣти изгнанника? дайте скорѣе
Разстаться съ чертами роднаго лица —
О, пусть лобызаютъ младенцы нѣжнѣе
Устами невинными очи отца!
Пусть юныя души дыханье обиды
Въ груди благородной навѣкъ сохранятъ, —
И нѣкогда, гордо, кинжалъ Немезиды
Забвенному праху отца посвятятъ!...»
И снова рыданья... Горячихъ объятій
Не слышитъ, не чувствуетъ гордый герой —

Свободенъ... и скрылся отъ гражданъ и братій,
Какъ левъ, уязвленный пернатой стрѣлой...

3.

Пробудился геній славы
Изъ объятій тишины,
Потекли на пиръ кровавый
Брани гордые сыны!
Кто жь вы?... Яростные клики
Раздались какъ гулъ морей —
Не возсталъ ли Римъ великій
На народовъ и царей?
Не во гнѣвѣ ль онъ суровый
Изрекаетъ приговоръ,
И даруетъ имъ оковы
И блистательный позоръ?...
Нѣтъ! рѣшитель дивныхъ боевъ
Странъ далекихъ не громитъ —
Надъ отечествомъ героевъ
Туча грозная виситъ.
Пали, пали легіоны,
Приносившіе законы
На булатныхъ лезвеяхъ, —
И безстрашно окружила
Разрушительная сила
Самый Римъ, въ его стѣнахъ!...
Кто же смѣлый искуситель
Повелительной судьбы,
Вашъ опасный притѣснитель
Ига римскаго рабы?...
Раздавался гулъ громовой,

Полуночная гроза
Блескомъ молніи багровой
Озаряла небеса;
Надъ туманною рѣкою
Древній Анціумъ дремалъ,
И угрюмой тишиною
Мирныхъ жителей къ покою
Благосклонно призывалъ.
Племя славнаго народа
Крѣпкій городъ охранялъ:
Тамъ отважная свобода,
На границахъ рубежей,
Берегла отъ утѣсненій
Кровожадныхъ поколѣній
Цвѣтъ воинственныхъ мужей;
Тамъ она на полѣ чести,
Въ самой гибели жива —
Разливала ужасъ мести
За великія права.
Часто сильныя дружины
Приходили на равнины
Плодоносной стороны;
Но тогда, миролюбивый
Обожатель тишины
Покидалъ златыя нивы
И завѣтный серпъ и плугъ,
И стремился, горделиво,
На призывный трубный звукъ.
Непреклонный, безпощадной,
Онъ пришельца поражалъ —
И въ тѣни лѣсовъ отрадной
Грозный подвигъ воспѣвалъ...

Тщетно Римъ неодолимой
Вызывалъ на лютый бой
Сына родины любимой,
Стража вольности святой.
Лишь одинъ герой могучій
Прошумѣлъ, какъ вихрь летучій,
На убійственныхъ поляхъ:
Онъ покрылъ костями долы,
И упали Коріолы
Передъ воиномъ во прахъ.
Но народъ самодержавной
Осудилъ его безславно
На изгнанье и позоръ,
И безъ тайной укоризны
Произнесъ красѣ отчизны
Ненавистный приговоръ.
Благородный побѣдитель,
Удивленье чуждыхъ странъ,
Обвиненъ какъ притѣснитель
Легкомысленныхъ гражданъ;
И теперь въ суровой долѣ,
Грустной думой удрученъ,
Можетъ-быть, на бранномъ полѣ
Ищетъ смерти, — жаждетъ онъ
Позабыть несправедливой
И блуждающій ревниво
По слѣдамъ его законъ...
Городъ Вольсковъ осѣнила,
Какъ холодная могила,
Въ шумѣ бури тишина,
И подъ кровлею надежной
Мирный житель безмятежно

Предавался нѣгѣ сна.
Въ это время кто-то, строенъ,
Безоруженъ, но покоенъ,
Гость невѣдомый вступалъ
Въ градъ и пышные чертоги,
Гдѣ глава народа — строгій
Старецъ Аттій обиталъ.
Въ мрачной думѣ вождь верховной,
Послѣ тягостнаго дня,
Одинокъ сидѣлъ безмолвно
У отраднаго огня.
Все вокругъ его дышало
Незабвенной стариной,
И невольно вспоминало
Славу жизни молодой :
Шлемы, панцыри и латы,
И тяжелые булаты,
Иззубренные въ бояхъ,
Передъ нимъ въ отцовской сѣни
Отсвѣчались на стѣнахъ —
И порой какъ будто тѣни
Трепетали на гробахъ.
Охранитель беззащитныхъ,
Раболѣпственныхъ владыкъ,
Онъ на битвахъ кроволитныхъ
Былъ отваженъ и великъ :
Самъ орелъ капитолійской
Рогъ гордыни италійской,
Для тирановъ роковой,
Не возмогъ стереть кичливо
Надъ его вольнолюбивой,
Серебристой головой.

Только разъ онъ, въ вихрѣ боя,
Палъ разбитый и отъ ранъ;
Но тогда его, героя,
Побѣдилъ Коріоланъ.
Это имя было казнью
Въ непокорныхъ племенахъ,
И съ невольною боязнью
Повторялось на устахъ;
Это имя ужасало
И народы и царей
И, какъ буря, навѣвало
Хладъ на души матерей...
Старый вождь сидѣлъ угрюмо
Передъ тлѣющимъ огнемъ,
И леталъ печальной думой
Въ невозвратномъ и быломъ.
Вдругъ, въ мечтаніи глубокомъ
Изумленъ и недвижимъ,
Видитъ онъ: въ плащѣ широкомъ,
Чуждый воинъ передъ нимъ.
Скрыты взоръ его и лѣта,
Онъ безмолвенъ и суровъ,
И садится безъ привѣта
Подъ защитою боговъ.
Понялъ Аттій горделивый
Гостя чуднаго, безъ словъ —
То языкъ краснорѣчивый
Запоздалыхъ пришлецовъ.

Аттій.

Не порою ли ненастной

Дерзнешь ли ты, какъ прежде горделивый,
Разсѣять ихъ несмѣтныя толпы?
Падутъ ли въ прахъ, съ потупленною выей,
Передъ тобой мятежные рабы?
Увы! однѣ высокія твердыни,
Однѣ бойницы — твой покровъ,
И превратилъ огонь въ печальныя пустыни
Богатство селъ твоихъ, и нивъ, и городовъ!
Къ тебѣ, какъ геній разрушенья,
Притекъ неистовый герой
Обмыть въ крови, на полѣ мщенья,
Позоръ обиды роковой!...
Кто видѣлъ бурные потоки,
Когда съ вершинъ утесовъ и холмовъ
Они бѣгутъ и роютъ путь широкій
Среди степей, среди лѣсовъ,
И рушатъ все стремительною лавой —
Такъ и отважные сыны
Свободы дикой и войны
Текли на подвигъ величавой.
И смерть и кровь по ихъ слѣдамъ —
И исполинъ, доселѣ знаменитый,
Вездѣ разсѣянный, разбитый,
Спѣшитъ въ отчаяньи къ стѣнамъ.
И вопли женъ осиротѣлыхъ,
И укоризны матерей,
И ропотъ старцевъ, посѣдѣлыхъ
На полѣ славы прежнихъ дней,
Встрѣчаютъ съ грустью безнадежной
Остатки робкихъ бѣглецовъ;
И стыдъ неволи неизбѣжной,
И звукъ торжественныхъ оковъ

Надъ ними носится незримо, но мятежно,
Какъ молнія во мракѣ облаковъ...
Не рѣдко, погруженъ въ мучительныя думы,
Когда во тьмѣ ночей дремалъ покойный станъ,
На городъ мрачный и угрюмый,
Съ невольною тоской, взиралъ Коріоланъ.
Въ какомъ печальномъ униженьи
Стоялъ, какъ призракъ, передъ нимъ
Тотъ самый гордый, сильный Римъ,
Краса могучихъ поколѣній,
Который, страшенъ и великъ,
Былъ нѣкогда грозой народовъ и владыкъ;
Тотъ Римъ, отечество героевъ,
Который онъ на полѣ боевъ
Прославилъ гибельнымъ мечомъ,
И наконецъ — каралъ безъ сожалѣнья,
Какъ жертву праведнаго мщенья,
Въ безумствѣ жалкомъ и слѣпомъ!
Какъ гражданинъ страны несчастной,
О ней онъ втайнѣ тосковалъ:
Онъ часто къ родинѣ прекрасной
Мечтой высокой улеталъ;
Но приговоръ несправедливой,
Но голосъ чести и стыда
Въ его душѣ самолюбивой
Таились яростно всегда,
И онъ презрѣлъ — неумолимый —
Права, законы, самый рокъ,
И славный градъ враждѣ непримиримой
И разрушенію обрекъ.
Увы, священная свобода!
Ни представители народа,

Ни жрецъ верховный, ни сенатъ,
Въ зловѣщій день не охранятъ
Тебя надежною эгидой
Отъ непреклоннаго врага!
Кто движимъ местью и обидой,
Кого свирѣпая тоска
Казнитъ и мучитъ самовластно,
Кто утонулъ въ пучинѣ зла —
Тому раскаянье ужасно,
Тому отрада не мила:
Тотъ увлеченъ ожесточеньемъ
Безумной воли и страстей,
И дышетъ весь уничтоженьемъ,
Какъ недругъ неба и людей.
Таковъ Коріоланъ! — Народъ самодержавный,
Тебѣ онъ произнесъ печальныя слова:
«Я гражданинъ изгнанный и безславный —
Огонь и мечъ мои единыя права!
Я ихъ внесу рукой окровавленной
Въ чертогъ тирановъ и судей —
И не спасетъ гордыни униженной
Ни стонъ, ни вопль, ни святость алтарей!...»
Гдѣ раздались протяжно и сурово
Глухіе звуки этихъ словъ?
Подъ сводомъ неба, средь шатровъ,
Гдѣ все шумитъ, гдѣ все готово
Возстать и тучей громовой
Летѣть за славою на бой...

Совершилось!... благодатный
Лучъ надежды измѣнилъ!
Ополчись на подвигъ ратный,

Геній Рима — воинъ силъ!
Гдѣ вы, праотцы и дѣды
Погибающихъ сыновъ?
О, покиньте для побѣды
Сѣни мрачныя гробовъ!
Пронеситесь надъ главами
Устрашенныхъ бѣглецовъ,
И разсѣются предъ вами
Сонмы лютые враговъ!

Но нѣтъ! Блистаютъ копья, брони, —
Стучатъ желѣзные щиты, —
Покрыли воины и кони
Луга, долины, высоты;
Тревога, грохотъ, гулъ и клики,
Земля и стонетъ и гудитъ —
И горе, горе, Римъ великій,
Твой часъ, послѣдній часъ пробитъ!...
Кто этотъ мужъ иноплеменной,
Всегда и всюду впереди?
За нимъ волною разъяренной
Текутъ народы и вожди;
Его десницы мановенье,
Единый взоръ его очей
Приводятъ въ трепетъ и волненье
Толпы воинственныхъ мужей...
Уже онъ близокъ; изъ колчана
Выходятъ стрѣлы — мигъ одинъ,
И, можетъ-быть, къ стопамъ Коріолана
Падетъ покорный гражданинъ!...
Но что̀ за дивное явленье, —
Откуда страхъ между бойцовъ?

Кто могъ остановить внезапно ополченье
Передъ лицемъ блѣднѣющихъ враговъ?
Вся рать безмолвна, недвижима —
Навстрѣчу ей, торжественно, изъ Рима
Идетъ не грозный легіонъ,
Предвѣстникъ битвы кроволитной,
Но сонмъ унылый, беззащитной,
Младыхъ гражданокъ, славныхъ женъ.
Съ другимъ оружіемъ — съ слезами
И распущенными власами
На обнаженныхъ раменахъ,
Съ словами мира на устахъ,
Съ мольбой ничѣмъ неотразимой,
Онѣ идутъ тебя сразить
И пламень мести потушить
Въ твоей груди, герой непобѣдимой!...
Кого, съ растерзанной душой,
Съ челомъ суровымъ и холоднымъ,
Кого ты зришь передъ собой?
Кто гласомъ грустнымъ, но свободнымъ
Къ тебѣ воззвалъ: «Коріоланъ!
Кого я заключу въ горячія объятья:
Тебя ли — своего отечества тиранъ,
Навлекшій на главу позорную проклятья,
Или тебя — несчастный сынъ?
Кто ты? изгнанный гражданинъ,
Или надменный повелитель?
Когда и мечъ, и смерть, и плѣнъ
Ты вносишь въ нѣдра этихъ стѣнъ —
Зачѣмъ же медлишь, побѣдитель,
Своихъ дѣтей, жену и мать
Цѣпями рабства оковать?

Карай меня всей тяжестію мщенья!
Я Римъ повергла въ море зла,
И недостойна сожалѣнья —
Я жизнь преступнику дала!...»
И вопль гражданокъ знаменитыхъ,
И милыя слова: «отецъ», «супругъ»,
Печальный видъ простертыхъ къ небу рукъ,
Растерзанныхъ одеждъ, и устъ полуоткрытыхъ, —
Все душу мрачнаго вождя
Въ то время сильно волновало —
И чувство мести побѣдя,
Невольно къ жалости склоняло.
Казалось, слова одного
Искалъ онъ въ памяти: пощада;
И въ тишинѣ взирали на него
И чуждыя толпы, и Римляне изъ града.
И долго былъ онъ въ думу погруженъ,
И наконецъ, какъ будто пробудила
Его отъ сна невѣдомая сила:
«О, мать моя — ты побѣдила!
Твой сынъ погибъ, но Римъ спасенъ!...»

На мѣстѣ томъ, гдѣ самовластье
Любви гражданской и красы
Спасло отчизну отъ грозы,
Воздвигли храмъ богинѣ счастья;
Но тамъ, гдѣ палъ неистовый герой
И добродѣтельный изгнанникъ —
Не видѣлъ памятника странникъ,
И не вздыхалъ надъ урной гробовой!...

ВИДѢНІЕ БРУТА.

Слетѣла ночь въ красѣ печальной
На Филиппинскія поля,
Послѣдній лучъ зари прощальной
Впила холодная земля.
Между враждебными шатрами
Народа славы и войны
Туманъ сгущенными волнами
Разнесъ отраду тишины.
Тревоги ратной гулъ мятежной,
Стукъ копій, броней и мечей,
Умолкъ; кой-гдѣ въ дали безбрежной
Мелькаетъ зарево огней;
Протяжно стонетъ конскій топотъ,
И, замирая въ тьмѣ ночной,
Сливаетъ эхо звучный ропотъ
Съ отзывомъ стражи боевой!
И тихо все — судьба вселенной
Погружена въ глубокій сонъ:
Одинъ булатъ окровавленной
Предпишетъ съ утромъ ей законъ.

Но чей булатъ окровавленный?
Святый защитникъ вольныхъ странъ,
Или поносный и презрѣнный —
Булатъ убійца согражданъ?
Погибнетъ сонмъ тріумвирата,
Или, презрѣвши долгъ и честь,
Готовитъ Римлянинъ для брата
Позоръ и цезарскую месть?...
Все спитъ... Ужасная минута!
Ужель зловѣщій, тяжкій сонъ
Смыкаетъ также очи Брута?
Ужель не бодрствуетъ и онъ?
О нѣтъ, волнуясь жаждой боя,
Въ его груди пылаетъ кровь:
Въ его груди, въ душѣ героя
Горитъ къ отечеству любовь!...
Во тьмѣ полуночи глубокой,
Угрюмъ, задумчивъ и унылъ,
Подъ кровомъ ставки одинокой
Онъ безотрадно опочилъ.
И сна вотще искали вѣжды:
Предчувствій горестныхъ толпа,
И отдаленныя надежды,
И своенравная судьба
Его насильственно терзали;
Онъ ждалъ, онъ видѣлъ море бѣдъ —
За думой черной налетали
Другія черныя во слѣдъ.
То, жертва сильныхъ впечатлѣній,
Въ волненьи памяти живой,
Онъ воскрешалъ угасшій геній,
Судьбу страны своей родной:

Онъ пробѣгалъ картины славы,
Тѣ достопамятные дни,
Когда Римъ, гордый, величавый,
Былъ удивленіемъ земли, —
Когда Камиллы, Сципіоны
Дробили, въ гнѣвѣ роковомъ,
Составы царствъ, крушили троны
Народной вольности мечомъ, —
Когда раждались для потомства
Сцеволы, Регулъ, Цинциннатъ, —
Когда былъ Римъ безъ вѣроломства
Свободной бѣдностью богатъ...
То снова, въ вихрь переворотовъ
Проникнувъ съ тайною тоской,
Онъ видѣлъ гибель патріотовъ
Надъ ихъ потупленной главой:
Раздоры Марія и Силлы,
Какъ бурный нравственный потопъ,
Разрушивъ щитъ народной силы,
Повергли Римъ въ кровавый гробъ;
Два солнца Рима, два злодѣя
Въ крови отчизны возрасли —
Помпей и Цезарь!... Прахъ Помпея
Съ гражданской жизнью погребли...
Лепидъ, Октавій, Маркъ-Антоній...
Судьбы заутра изрекутъ:
Или владычество на тронѣ
Или свободный Римъ и Брутъ.

«Глава, десница заговора,
Я первый вольность пробудилъ;
Я первый генія раздора,

Завоевателя Босфора,
Отца и друга умертвилъ;
Ничтожный, робкій сонмъ сената
Моей надеждѣ измѣнилъ,
И предъ мечомъ тріумвирата
Колѣна рабства преклонилъ.
Позоръ мужей, позоръ вселенной,
Тебя проклятіе вѣковъ
Постигнетъ тѣнью раздраженной
Въ предѣлахъ смерти, въ тьмѣ гробовъ!
Звучатъ, о Римъ, твои оковы —
Безгласенъ доблестный народъ, —
Но, Римъ, отмстители готовы!
Тарквиній, часъ твой настаетъ!
Ударитъ онъ, сей вѣстникъ казни,
Его зловѣщій, грозный бой
Оттрянетъ съ ужасомъ боязни
Въ сердцахъ отваги роковой!...
Послѣдній разъ поля отчизны
Я потоплю въ крови родной.
И кликъ безумной укоризны,
Иль голосъ славы вѣковой
Предастъ потомкамъ дальнымъ повѣсть
О битвѣ будущаго дня,
И пощадитъ, быть-можетъ, совѣсть
Убійцы друга и царя!»

Такъ вождь свободныхъ ополченій
Мечталъ въ порывѣ бурныхъ думъ,
Такъ заглушалъ змію мученій,
Тоску души высокій умъ...
Густѣетъ ночь — между шатрами

Молчанье мертвое и сонъ;
Луна закрыта облаками;
Герой въ забвенье погруженъ:
Онъ жаждетъ сна, смыкаетъ очи —
Но вдругъ, глухой, протяжный гулъ
Въ священномъ царствѣ полуночи,
Какъ вихорь, ставку размахнулъ.
Колоссъ огромнаго призрака
Изъ тучи воздуха растетъ,
И въ ризѣ ужаса и мрака
Очамъ героя предстаетъ.
Безстрашный видитъ и трепещетъ —
Предъ нимъ убійственный кинжалъ,
Извлекъ его, отмститель блещетъ —
Шатеръ раздался, духъ пропалъ...
«Такъ, я узналъ — мой злобный геній!
Онъ все рѣшилъ, онъ все сказалъ —
Конецъ несчастныхъ покушеній!...»

День битвы пагубной насталъ.
Шумятъ знамена бранной чести —
Тріумвиратъ непобѣдимъ,
И сынъ отваги, воинъ мести
Свободный палъ за падшій Римъ!...

НАЧАЛО НЕКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ «МАРІЙ».

Былъ когда-то городъ славный,
Властелинъ земли и водъ:
Въ немъ кипѣлъ самодержавный
И воинственный народъ.
Въ пышныхъ мраморныхъ чертогахъ,
Подъ защитою боговъ,
Или въ битвахъ и тревогахъ
Былъ онъ страшенъ для враговъ.
Степи, горы, и долины,
И широкія моря
Покрывали исполины
Двухъ-стихійнаго царя.
И сосѣдніе владыки,
И далекія страны,
Передъ нимъ, какъ повилики,
Были всѣ преклонены.
Багряницею и златомъ
Онъ роскошно ихъ дарилъ
И убійственнымъ булатомъ
Въ страхъ и ужасъ приводилъ;
Подавлялъ свирѣпой тучей
Онъ судьбы чужихъ племенъ —
Кто не зналъ тебя могучій,
Знаменитый Карѳагенъ?...
. . . .

II.

ПЕРЕВОДЫ.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ.

(Изъ Легуве.)

Печальна и блѣдна, съ высокаго балкона,
Въ полночной тишинѣ, внимала Дездемона
Напѣву дальнему безпечнаго гребца,
И взоръ ея искалъ гондолы невидимой,
Съ которой тихій звукъ гармоніи любимой
Къ ней долеталъ, какъ звукъ пернатаго пѣвца.

И грустная, она блуждающее око
Вперяла на ладью, мелькавшую далеко
Въ пространствѣ голубомъ, надъ сонною волной,
Лишь изрѣдка во мглѣ звѣздою озаренной —
Какъ будто мракъ души, внезапно освѣщенной
Надежды и любви отрадною мечтой.

Все скрылось; но она была еще вниманье...
Неистовой любви безумное страданье
Приходитъ ей на мысль — на арфѣ золотой
Поетъ она судьбу Изоры несчастливой.
И ей ли не понять тоски краснорѣчивой,
Когда она поетъ удѣлъ свой роковой?

Потомъ, напечатлѣвъ, съ улыбкою прощальной,
Лобзанье на челѣ наперсницы печальной,
Прости! сказала ей, съ слезою на очахъ,
И послѣ, предана неизъяснимой мукѣ,
Воздѣла къ небесамъ младенческія руки,
И пала предъ лицемъ Всевышняго во прахъ...

И полная надеждъ, и тайныхъ ожиданій,
Отрады и тоски, молитвы и страданій,
На ложе мрачныхъ думъ и дѣвственной мечты
Идетъ она, склонивъ задумчивые взоры —
И долго, долго тѣнь унылая Изоры
Вилася надъ главой уснувшей красоты.

И какъ она спала, въ безпечности небрежной!
Какъ ласково у ней по груди бѣлоснѣжной
Разсыпалась волна гебеновыхъ кудрей,
Какъ пышно и легко покровы золотые
Лелѣяли и станъ и формы молодыя —
Созданія любви и пламенныхъ страстей!...

Порой мятежный сонъ тревожилъ Дездемону;
Она была въ огнѣ, и вздохъ, подобный стону,
Невольно вылеталъ изъ трепетной груди,
И яркая слеза, какъ юная зарница
Въ туманныхъ небесахъ, скатившись по рѣсницѣ,
Скользила и вилась вокругъ ея руки.

Прорѣзавъ облаковъ полночныхъ покрывало,
Казалося, луна съ участіемъ взирала
На блѣдныя черты прекраснаго лица,
Какъ бы на памятникъ безвременной могилы,
Или на горлицу, уснувшую уныло
Подъ сѣтью роковой жестокаго ловца...

О, какъ она была божественно прекрасна,
Руками бѣлыми обвивши сладострастно
Лилейное чело, какъ греческій амфоръ!
Какъ трогательно все въ ней душу выражало,
Какъ все вокругъ ея невинностью дышало! —
Кто могъ бы произнесть ей грозный приговоръ?...

И вдругъ, глубокое молчанье
Прервалъ глухой, протяжный гулъ—
Какъ будто крылья размахнулъ
Орелъ на бранное призванье,
Иль раздалось издалека
Рыканье тигра роковое,
Который билъ, отъ злобы воя,
Громады знойнаго песка.
То былъ Отелло, мрачный, дикой,
Вошедшій медленно въ покой, —
Бродящій съ страшною улыбкой,
Вокругъ страдалицы младой.
Внезапный шумъ во мракѣ ночи
Тогда извлекъ ее отъ сна:
Подъявъ чело, открывши очи,
Невинной роскоши полна,
Еще съ печатью сновидѣній
На отуманенномъ челѣ,
Полна тоски и наслажденій,

Какъ юный ангелъ на землѣ,
Она глядитъ, и видитъ... Боже!
Свирѣпый, блѣдный какъ злодѣй,
Бросая мутный взоръ на ложе,
Стоитъ Отелло передъ ней! —
Отелло — съ сталью обнаженной,
Отелло — съ молніей въ очахъ,
Отелло — съ громомъ на устахъ:
«Погибель женщинѣ презрѣнной!...»
Блѣдна, какъ смерть, она встаетъ —
Бѣжитъ, но онъ рукой желѣзной
Предупреждаетъ безполезной
И поздновременный уходъ:
Безсильную, полуживую,
Ожесточенный не щадитъ,
И вспять онъ жертву молодую
На ложе брачное влачитъ...
Напрасны слезы и моленья, —
Напрасно, въ власти у врага,
Станъ, полный нѣги, наслажденья,
Вился и бился какъ волна —
Не слышитъ онъ ея стенанья:
Онъ душитъ мощною рукой
Красу подлуннаго созданья,
И Дездемона—трупъ холодный и нѣмой...

Такъ нѣкогда, дыша прохладой ночи ясной
Подъ небомъ голубымъ Италіи прекрасной,
Внимая шуму волнъ на берегу морскомъ,
На ложѣ изъ цвѣтовъ, подъ миртовою тѣнью
Раскинута, и вся предавшись наслажденью,
Помпея юная была объята сномъ.

Подъ ризой вечера, въ груди ея высокой
Раждался иногда протяжный и глубокой
Стонъ дѣвственной мечты, и тихо замиралъ, —
И влажный блескъ садовъ ея вѣтвистыхъ,
Какъ будто бы вѣнкомъ изъ волосовъ душистыхъ
Прелестное чело ей пышно осѣнялъ...

О, какъ она была, въ разсѣяньи пріятномъ,
Похожа на звѣзду подъ небомъ благодатнымъ,
Простертымъ съ роскошью надъ ней!
Съ какою нѣгой прихотливой
Ей навѣвалъ зефиръ ревнивой
На очи тишину и мирный сонъ дѣтей!

О, какъ она была безпечна и покойна
Надъ влагою морской, раскинутою стройно,
Подъ золотомъ луны, вокругъ ея дворцовъ —
Надъ этой влагою прозрачно-голубою,
Одѣтою, какъ духъ, огромной пеленою
Изъ мрака, тучъ и облаковъ!

О, пробудись, несчастное созданье!
Проснись — ужель не слышишь ты
Подземной бури завыванье
Подъ страшной ризой темноты?
Смотри, смотри! во мракѣ ночи
Зардѣлись огненныя очи,
Повсюду гулъ, и громъ, и звукъ —
Бѣги! то онъ, неодолимый,
Никѣмъ въ бояхъ непобѣдимый
Волканъ — твой пагубный супругъ!...

Вотъ, озаряя сводъ надзвѣздный,
Встаетъ огромный великанъ

Надъ истребительною бездной, —
Взмахнулъ, какъ сильный ураганъ,
Своими жгучими крылами,
И смертоносными руками
Готовясь землю обхватить,
Съ кровавымъ и отверстымъ зѣвомъ,
Пылая яростью и гнѣвомъ,
Тебя идетъ онъ поглотить!...
Увы, несчастная Помпея!
Напрасно, съ воплемъ и въ слезахъ,
Ты извиваешься въ когтяхъ
Убійцы — огненнаго змѣя!
Какъ лютый тигръ, разсвирѣпѣвъ,
Играетъ онъ своею жертвой,
И надъ бездушной, полумертвой
Возлегъ, открывъ широкій зѣвъ...
Его огни, какъ море, плещутъ,
Вокругъ колоннъ, дворцовъ трепещутъ,
И, разливаясь, грозно мещутъ
Вездѣ отчаянье и страхъ, —
И пожираетъ ярый пламень
Кристаллъ, и золото, и камень,
Сверкая въ молнійныхъ лучахъ...
. . . .
. . . .

Когда въ послѣдній разъ безчувственныя вѣжды
Сонъ вѣчный тихо осѣнитъ,
То облачаютъ трупъ въ печальныя одежды,
И въ гробѣ роковомъ ничто не говоритъ,
Кого скрываетъ онъ подъ черной пеленою;

Лишь руки, на груди лежащія крестомъ,
Колѣна, голова, рисуемыя стройно
Прозрачно-тонкимъ полотномъ —
Вѣщаютъ въ тишинѣ, что гость его покойной
Былъ нѣкогда съ душой. Такъ точно и волканъ,
Какъ будто удрученъ печалію нѣмою,
Помпею облачилъ въ дымящійся туманъ,
И скрылъ ея чело подъ лавой огневою...
И гдѣ величіе погибшей красоты?
Все пепелъ, уголь, прахъ—все истребили боги!
Кой-гдѣ, освободивъ главу отъ пыльной тоги,
Разбитый храмъ унылыя мечты
Наводитъ и гласитъ, какъ голосъ эпопеи:
Здѣсь прахъ Помпеи!...

ФАЛЕРІЙ.

(Изъ Легуве.)

СЦЕНА I.

Комната обитая черным бархатомъ.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ: МЕССЕНІЯ, ЕФРОЗИНА И ЛУКРЕЦІЯ, И РАСПОРЯДИТЕЛЬ ПОХОРОНЪ.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Готовы ли? — Пора! послѣдуйте за мной,
Съ слезами на глазахъ, съ поникшей головой,
Какъ тѣни свѣтлыя въ одеждахъ погребальныхъ.
Мертвецъ уже въ гробу, среди рабовъ печальныхъ;
Съ оливной вѣтвію стоитъ унылый сынъ...
За дѣло!

МЕССЕНІЯ.

Но цѣна — награда, господинъ?

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Цѣна вамъ двадцать драхмъ.

МЕССЕНІЯ.

Возможно ль? Изступленье,
Отчаянье и плачъ за это награжденье?

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Даю вамъ тридцать; но исполнить договоръ:
Чтобъ было все — и вопль, и бѣшенство, и взоръ,
И поступь грозная вакханки безнадежной;
Раскинуть волосы по груди бѣлоснѣжной —
И крови...

МЕССЕНІЯ.

Вотъ она, священная игла —
Она не пощадитъ ни тѣла, ни чела.
Но кровь не слезы — нѣтъ, слезами мы богаты;
Мы требуемъ за кровь всегда особой платы.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Согласенъ; но за то, съ удвоенной цѣной,
Растрогайте народъ удвоенной тоской.

МЕССЕНІЯ.

Повѣрь — не заслужу холоднаго упрека;
Я слишкомъ тронута судьбою человѣка,
Лежащаго въ гробу. Сто драхмъ, и мы идемъ.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Э, полно! Шестьдесятъ.

МЕССЕНІЯ.

Готовы!

СЦЕНА II.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ И ФАЛЕРІЙ.

МЕССЕНІЯ.

Такъ начнемъ —
Сперва Лукреція, за нею Ефрозина,
И послѣ я.

ЛУКРЕЦІЯ (*поетъ*).

Увы, несчастная кончина!
Онъ палъ, мужъ брани и мечей —
Греми, греми мой стонъ, теките изъ очей
Потоки слезъ краснорѣчивыхъ!
Когда вашъ громъ, изъ облаковъ,
О, сонмы праведныхъ боговъ,
Устанетъ поражать главы непобѣдимыхъ —
Главы достойныя вѣнковъ,
Мужей, землей боготворимыхъ,
Безъ алтарей — полубоговъ?

МЕССЕНІЯ (*тихо Ефрозинѣ*).

Я думаю, для васъ Евѳимій не скупился
Сегодня поутру?

ЕФРОЗИНА.

О, нѣтъ! онъ расплатился
За вина и плоды. Одно его гнететъ —
Торговка съ этихъ поръ ужь въ долгъ не продаетъ...

(Замѣтивъ, что Лукреція кончила.)

Увы! безвременныя дани
Съ земли уносятъ небеса,
И смерти гибельныя длани
Зіяютъ тамъ, гдѣ юность и краса
Подъ сѣнью славы и надежды
Цвѣтутъ для будущихъ временъ!
О, для чего сомкнулись вѣжды
Того, который былъ безсмертью обреченъ?...

ЛУКРЕЦІЯ *(Мессеніи).*

Но гдѣ же ты была?

МЕССЕНІЯ.

Вчера?... Ахъ какъ счастливо
Я вечеръ провела! Сначала прихотливо
Мнѣ Фидій по рѣкѣ катанье предложилъ —
Мы плавали; потомъ... Онъ, право, очень милъ!...
. . . .
. . . .

ПѢСНЯ ИЗЪ ПАНАРА.

Какъ смѣшонъ,
Неуменъ
Мужъ ревнивый,
Неучтивый!
Какъ хотѣть
Завладѣть
Лишь ему
Одному —
Безъ причины —
И рукой,
И душой
Половины?
Хоть сердись,
Хоть бранись,
Коль захочется Амуру,
То жена,
Сатана,
Изомнетъ твою фризуру.

Будешь горестно рыдать,
Будешь лобъ свой проклинать —
Но напрасно!
Не найдешь себѣ утѣхъ,
И услышишь только смѣхъ
Повсечасно.
Станутъ дыбомъ волоса,
Коль споютъ тебѣ въ глаза
Пѣсенку такую,
Хитрую и злую:
Какъ смѣшонъ,
Неуменъ
Мужъ ревнивый,
Неучтивый!
Какъ хотѣть
Завладѣть
Лишь ему
Одному —
Безъ причины —
И рукой,
И душой
Половины?

ЗЛОБНЫЙ ГЕНІЙ.

(Изъ Ламартина.)

Когда задумчивый, унылой
Сижу съ тобой наединѣ,
И непонятной движимъ силой,
Лью слезы въ сладкой тишинѣ, —
Когда воململмракъ густаго бора
Тебя влеку я за собой, —
Когда въ восторгахъ разговора
Въ тебя вселяюсь я душой, —
Когда одно твое дыханье
Плѣняетъ мой ревнивый слухъ, —
Когда любви очарованье
Волнуетъ грудь мою и духъ, —
Когда главою на колѣна
Ко мнѣ ты страстно припадешь
И кудри пышныя гебена
Съ небрежной нѣгой разовьешь,
И я задумчиво покою
Мой взоръ въ огнѣ твоихъ очей —
Тогда невольною тоскою,
Мрачится рай души моей.

Ты окропляешь въ умиленьи
Слезой горючею меня;
Но и въ сердечномъ упоеньи,
Въ восторгѣ чувствъ страдаю я.
«О, мой любезный! ты ли муки
Мнѣ неизвѣстныя таишь?»
Вокругъ меня обвивши руки,
Ты мнѣ печально говоришь: —
«Прошу за страсть мою награды!
Открой мнѣ, милый, скорбь твою!
Бальзамъ любви, бальзамъ отрады
Тебѣ я въ сердце излію.»
—Не вопрошай меня напрасно
Моя владычица, мой богъ!
Люблю тебя сердечно, страстно,
Никто сильнѣй любить не могъ!
Люблю—но змій мнѣ сердце гложетъ:
Вездѣ ношу его съ собой,
И въ самомъ счастіи тревожитъ
Меня какой-то геній злой.
Онъ, онъ — мечтой непостижимой
Меня навѣкъ очаровалъ,
И мой покой ненарушимой
И нить блаженства разорвалъ.
«Пройдетъ любовь, исчезнетъ радость»,
Онъ мнѣ язвительно твердитъ: —
«Какъ запахъ розъ, какъ вѣтеръ, младость
Съ ланитъ цвѣтущихъ отлетитъ!...»

III.

СПИСОКЪ СЛИШКОМЪ УЖЕ ПЛОХИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ, НЕ ВОШЕДШИХЪ ВЪ ЭТО ИЗДАНІЕ.

Изъ напечатанныхъ въ «Стихотвореніяхъ Полежаева», Москва, 1832 года:

Оскаръ Альвскій, стр. 9. — Человѣкъ къ Байрону, изъ Ламартина, стр. 43. — Отрывокъ изъ поэмы: «Смерть Сократа», изъ Ламартина, стр. 60.—Провидѣніе человѣку, изъ Ламартина, стр. 85. — Рокъ, стр. 97. — Въ память благотвореній, стр. 101. — Геній, стр. 106. — Восторгъ, изъ Ламартина, стр. 181. — Юность, изъ Ламартина, стр. 123. — Мечта, изъ Ламартина, стр. 125. — Воспоминаніе, стр. 128. — Къ друзьямъ, стр. 132. — Непостоянство, стр. 148. — Кольцо, стр. 159. — Букетъ, стр. 163. — На смерть Темиры, стр. 167.—«Утро жизнью благодатной», стр. 178. — «Одѣлъ станицу мракъ глубокой», стр. 180. — Ночь, стр. 186. — Акташъ-Аухъ, стр. 200. — Кремлевскій садъ, стр. 206. — Иманъ-козелъ, стр. 213. — День въ Москвѣ, стр. 237. — Кредиторы, стр. 265. — Чудакъ, стр. 277.

Въ «Кальянѣ», Москва, 1833 года:

Кладбище Гременчугское, стр. 7. — Троянки, изъ Делавиня, стр. 25. — Бонапарте, изъ Ламартина, стр. 51. — Демонъ вдохновенія, стр. 67. — Сонъ дѣвушки, стр. 89. —

Степь, стр. 103. — Пѣснь горскаго ополченія, стр. 115. — Отрывокъ изъ посланія къ А. П. Л...у, стр. 119. — Иванъ Великій, стр. 125.

Въ «Арфѣ», Москва, 1838 года:

На болѣзнь юной дѣвы, стр. 69. — Къ Е. И. Б...й, стр. 75. — Разочарованіе, стр. 86. — Авторъ и читатель, стр. 90. — Сарафанчикъ, стр. 99. — Картина, стр. 108. — Глупой красавицѣ, стр. 110. — Атеисту, стр. 111. — Напрасное подозрѣніе, стр. 112.

Въ «Часахъ выздоровленія», Москва, 1842 года:

Вѣнокъ на гробъ Пушкина, стр. 7. — «Когда-то», стр. 29. — Удивительное приключеніе одного стихотворца, стр. 31. — М. А. Я...й, стр. 39. — Картина, стр. 41. — Къ набѣленной красавицѣ, стр. 45. — Глаза, стр. 49. —

«Эрпели и Чиръ-Юртъ», двѣ поэмы. Москва. 1832.

Въ «Галатеѣ» 1839 года: Людовикъ XVII.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ЭПИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

II.

ПЕРЕВОДЫ.

III.

YB 56988
U. C. BERKELEY LIBRARIES
C043260317

